

ОПАСНЫЕ ТАЙНЫ

ПРОИГРАВШИЙ ВЫБИРАЕТ СМЕРТЬ

СЕРГЕЙ БАКШЕЕВ

Сергей Павлович Бакшеев
Проигравший выбирает смерть
Серия «Опасные тайны», книга 3

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176319
Проигравший выбирает смерть: АСТ, Астрель; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-053524-8, 978-5-271-21829-3*

Аннотация

Тихону Заколову и его девушке не повезло с попутчиками в поезде. И жизнь летит под откос! Обвинение в убийстве кассира и двух милиционеров, поединки на движущемся составе, захват товарного поезда, ограбление банка, дуэль на территории зловещего Гиптильника – это лишь малая часть испытаний, которые предстоят Заколову. Коварный враг ведет смертельную игру, где в случае проигрыша, можно выбрать только свою смерть.

Это третий роман серии «Опасные тайны Тихона Заколова».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	60
Глава 10	64
Глава 11	67
Глава 12	71
Глава 13	73
Глава 14	77
Глава 15	80
Глава 16	83
Глава 17	85
Глава 18	94
Глава 19	98
Глава 20	102
Глава 21	108
Глава 22	112
Глава 23	118

Сергей Бакшеев

Проигравший

выбирает смерть

Глава 1

...А поезд приближался с неумолимостью водопада. Ничто не могло остановить его. Нина стояла посередине рельсов, тело беспомощно дергалось, но сдвинуться она не могла. Что-то держало ее, и разобраться в причине не было возможности. Глаза с ужасом смотрели на выпуклую морду мчащегося локомотива. Вместе с ним накатывался стальной грохот. Обезумевшая Нина кричала, но не слышала себя. Чугунный клык сцепки, торчащий из пасти железного монстра, метил прямо в грудь. Еще мгновение – и последует смертельный удар!

Нина Брагина подпрыгнула в постели, как от разряда тока. Руки сжимали одеяло, разинутый рот застыл в немом крике, потные волосы тонкими сосульками свешивались на глаза. Девушка тяжело задышала, испуганный взор уперся в предрассветную хмарь за окном.

Это всего лишь сон, через несколько секунд сообразила она. Тело безвольно откинулось на подушку, в висках бумка-

ли маленькие барабаны, окаменевшие пальцы с трудом освободили смятый пододеяльник.

Это всего лишь сон, мысленно повторила она. Но что он означает? Ведь бывают сны вещие! Сегодня ей предстоит поездка, но она же будет ВНУТРИ состава! И с ней едет Тихон Заколов.

При этом имени губы девушки несмело вытянулись. Ей надо подготовиться, одеться так, чтобы он наконец обратил на нее внимание. Им предстоят целых две ночи вместе! А что делать, если он полезет целоваться? Ну да, дождешься от него. Сначала надо, чтобы он взглянул на нее, как на выросшую девушку.

Нина быстро погрузилась в сладкую негу девичьих грез и прикрыла глаза, но надвигающийся поезд вновь ворвался в ее сознание, оглушив грохотом колес. Ей даже почудился прогорклый металлический запах железной дороги.

Все будет хорошо, отгоняя тревожные мысли, попыталась убедить себя Нина Брагина.

Глава 2

– Повезло тебе, Есенин, под праздник выходишь.

Дежурный офицер внутренних войск громыхнул связкой ключей. Замок в заветной двери на свободу трижды отчетливо щелкнул. Владимир Есенин, двадцать минут назад получивший справку об освобождении, профессионально отметил: замок сувальдный с пятью ригелями, по виду внушительный, но слишком прост для специалиста. В огромной личинке разве что ногтем ковырять нельзя.

Тяжелая дверь распахнулась с приглушенным приятным металлическим скрипом. Есенину такой звук нравился, напоминал долгожданное вскрытие солидного сейфа. Ворвавшийся поток света прорезал пыльную кубатуру и отсек ноги выше колен. Владимир невольно взглянул на скукоженные голенища старых сапог, другой обуви у него не было.

Офицер привычно ослабил:

– Не забывай нас, Есенин. Долго на воле не задерживайся. До новой встречи.

Владимир равнодушно покосился на довольное лицо офицера, ухмыляющегося заезженной шутке, и шагнул на свободу. Из хмурой тени в яркий свет. За спиной гулко захлопнулась дверь колонии, где он ел баланду почти пять лет, с осени семьдесят четвертого года.

Владимир стянул черную кепку. Примятый ежик поседев-

ших волос распрямился, зажмуренные глаза ловили забытое тепло утренних лучей солнца. Казалось, на свободе и солнце светит по-особому.

Есенин оправдывал знаменитую поэтическую фамилию и время от времени по настроению выдавал злые рифмованные строки. Поэтому и клички как таковой не имел. Все звали опытного медвежатника – Есенин. Кто близко не был знаком, думал, что это и есть воровская кликуха.

В свои тридцать три года сухощавый Владимир выглядел старше, и не только из-за глубоких морщин, уверенно пробороздивших лоб, но и из-за тусклого уставшего взгляда узко посаженных маленьких глаз. Да и воровская специальность предполагала некий многолетний опыт. Впрочем, вскрывать любые замки подручными средствами толковый слесарь Вовка Есенин научился быстро и самостоятельно. Потом нужные люди свели со знающим человеком. Несколько уроков – и хитроумные сейфы утратили для Владимира магию неприступности, обнажив простую механическую сущность, прикрытую внушительной стальной броней.

За уроки пришлось выложить приличные деньги. Их можно было взять только в серьезном деле. Несколько дерзких ограблений прошли как по маслу. Птица счастья мельтешила пестрым хвостом, щекотала и раззадоривала, устилая вольную жизнь красивыми мягкими перышками. Но однажды вертихвостка-удача отвернулась, райская птичка обернулась когтистым коршуном – опера взяли Есенина с поличным.

Пять лет за решеткой состарили Владимира. Из молодого самоуверенного парня он превратился в осторожного вора неопределенного возраста.

Шум подъехавшей машины заставил Есенина открыть глаза. К воротам лихо подкатила желтая «Волга» – такси. Мелкая казахстанская пыль уныло оседала на стеклах и капоте машины.

Передняя пассажирская дверца распахнулась, молодой смазливый парень азиатского типа с длинными черными волосами на прямой пробор суетливо подскочил к Есенину. Брюки широченными клешами скребли по земле.

– Привет, Есенин! Я за тобой, – парень растопырил руки, демонстрируя желание обнять вора.

Есенину приезжий был не знаком. Он окинул хмурым взглядом тощую фигуру и покосился на «Волгу» – нет ли там еще кого-нибудь? Но кроме любопытного таксиста в салоне автомобиля никого не наблюдалось.

– Ты кто? – холодно спросил Есенин.

– Я от Бека. Он меня к тебе послал.

– Как звать?

– Каныш Хамбиев. Бек Нышем кличет. Он приказал встретить и привезти к нему.

Молодой Хамбиев час держал таксиста в сотне метров от входа в колонию, наблюдая за воротами. Он хотел на скорости с эффектным разворотом подать машину и сейчас ожидал от известного вора благосклонного одобрения. Но Есе-

нина не покидала присущая ему осторожность:

– К Беку? Зачем?

– Дело он наметил. Крупняк! – Каныш перешел на шепот, пугливо посмотрел на ошетилившуюся колючей проволокой стену колонии и скривился. – Поехали. Место тут гнусное...

Есенин оглянулся, ему показалось, что в амбразуре железной двери притаился хмурый, режущий холодом взгляд. Как достали его подобные созерцатели! И правда, подальше отсюда. Насиделся! Владимир влез на заднее сиденье «Волги», давно он не ездил в приличных автомобилях. Каныш развалился впереди.

– Шеф, трогай, – барским ьглм приказал Хамбиев, развернулся, иронично оглядел старомодную одежду вора. – А я тебя видел, Есенин. Давно, вместе с Беком. Я тогда пацаном еще был, а вы уже дела крутили...

– За дорогой смотри, – грубо прервал парня Есенин. Не хватало, чтобы сопляк при таксисте трепался.

Каныш обиженно сжал губы, уткнулся в окно. Дальше ехали молча. Есенин ловил в зеркале заднего вида настороженные глаза водителя. Изредка вор оглядывался назад – все чисто. Но смутная тревога не покидала его.

Выйдя на свободу, Есенин первым делом собирался ехать к родителям. Они знают, что у него сегодня срок закончился. Ждут не дождутся небось. Завтра 1 мая – праздник. Он как раз к середине дня домой доберется. Мать стол накроет, принарядится, плакать будет. Отец в орденах выйдет. Как

выпьет, начнет жизни учить. Вот в войну люди за Родину гибли, а сейчас молодежь совсем совесть потеряла, родителей забыла, из-за денег на преступления идет. И так далее в том же духе. Репертуар отца – ветерана войны, вечного борца за справедливость, был неизменным.

Но на предков Есенину посмотреть хотелось. Старенькие они. Надо уважить, пару недель дома поваландаться, пока в милиции паспорт выправят. С тех пор как он сел, говорят, какой-то новый паспорт завели, один – на всю жизнь. Верилось в это с трудом. Чтобы чиновники лишили себя удовольствия созерцать очередь перед кабинетом? Да ни в жизнь! Выдача бумажек – первейшая власть бюрократа.

Вдоль дороги замелькали одноэтажные домишки железнодорожного поселка, проскочила покосившаяся вывеска «Магазин», довольная тетка перла по улице две полные авоськи.

По делу, надо бы к родителям с гостинцами приехать, подумал Есенин. Но что купишь на жалкие крохи, полученные в колонии при освобождении? Разве что у Бека бабки одолжить.

Такси подкатило к вытянутому кирпичному зданию железнодорожной станции. Массивные подоконники и карнизы изрядно подрастеряли былые кирпичи, разинутые рты тусклых окон щербато пятались на замусоренную площадь.

– Прибыли! – бодро крикнул Каныш.

– Курить дай, – хмуро попросил Есенин, когда выбрался

из машины.

Хамбиев суетливо порылся в карманах, достал мятую корбочку:

– Я насвай кидаю. – Каныш отсыпал несколько зеленых шариков, осторожно положил под нижнюю губу. – Хочешь?

– Мне твое узбекское дерьмо не в кайф, – скривился Есенин.

Темные глаза Каныша резко сузились, но он молча проглотил оскорбление.

– Сейчас стрельну, – пообещал парень и вскоре вернулся, протягивая беломорину: – Вот!

Есенин брезгливо отвернулся, прошел к киоску, купил самые дорогие сигареты. Пальцы в наколках грубо вскрыли пачку. Целлофановый комочек шлепнулся под ноги на утрамбованную землю. Каныш с кислой миной топтался рядом, поминутно сплевывая зеленую слюну.

– Я еще травку тяну, а сигареты – нет, – тихо оправдывался он.

Есенин отстраненно покуривал. Потом устало произнес, не глядя на Ныша:

– Дай мне денег. Беку передашь, что дней через десять загляну. Там и сочтемся.

– Какие десять дней! Нельзя ждать! Бек велел, чтобы прямо к нему рулили. Дело на мази, только тебя ждем.

– Пять лет ждали, еще подождете.

– Есенин, – Каныш заискивающе взял вора под локоть и

даже выплюнул шарики насвая, которые мешали ему говорить. – Там легкие бабки лежат. Много! Четвертого мая их не будет. Твоя задача – сейф разбрюхатить. Остальное – мы подготовили.

Владимир стряхнул руку парня, глубоко затянулся, глаза зажмурились от сизого дымка. Белый огонек уперся в фильтр, пальцы ловко отщелкнули окурочек.

– Денег дай, – повторил Есенин.

Каныш побледнел, взгляд опустился на запыленные штанины, ногти нервно скребанули по бедру:

– Тут такая херня получилась. В поезде меня в карты развели. Обчистили полностью. Представляешь, меня – и в карты обули!

На лице Есенина выступила брезгливая гримаса.

– Нет, ты послушай, – оправдывался парень. – Я думал, лохи. Хотел в легкую бабла срубить. А тут – такой облом. Я пустой вышел. Тебя надо встречать, а я без копыя. С таксистом часами расплатился.

Есенин молча двинулся к входу на станцию. Каныш трусил сзади, норовя то слева, то справа заглянуть в суровое лицо вора:

– С кем не бывает? Ну, что теперь, под поезд прыгать? Сумма небольшая. Фигня, а не деньги! Бек и не вспомнит о них. Мне надо, чтобы ты к Беку приехал. Побазаришь с ним. Это же твой кореш. Если не хочешь идти в дело, сам ему скажешь. Вы поймете друг друга. А так, если ты не при-

едешь – я крайним буду. Тогда Бек на мне отыграется. Выручи, Есенин.

Вор невозмутимо шагал прямо. Каныш отстал и зло выкрикнул в спину:

– Да если бы Халву не замели, Бек бы о тебе и не вспомнил!

Есенин остановился, плечи медленно развернулись.

– Халва? Бек с ним работал?

– Последнее время с ним, – осторожно сообщил Ныш.

– Так Халва же кроме платяного шкафа ничего вскрывать не умеет.

– Подучился, говорят.

Эта новость Есенину была неприятна. До отсидки у него не было достойных конкурентов в регионе. А тут, выходит, толстогубый пухлячок Халва заменил его – уважаемого во-ра!

– На чем Халва спалился? – поинтересовался Есенин.

– По пьяне в кабаке подрался и на мента попал. Тот тюремщиком оказался. Сейчас, говорят, над Халвой лично измывается.

– Козырным королем себя почувствовал, – усмехнулся Есенин, хотел добавить: «Туда ему и дорога», но это было бы не по понятиям. – И что Бек?

– А с кем ему работать, если ты в отсидке? Он всегда тебя в пример ставил. И встречу бы при любом раскладе организовал. А тут все разом сошлось – и дело, и твоя свобода. Он

тебя, в натуре, ждет не дождется.

Есенин огляделся. Около станции было оживленно. Люди вроде бы шли по своим делам, топтались в ожидании поездов, но вора не покидало чувство, что за ним кто-то следит. Словно чей-то жгучий взгляд дырявил спину. Есенин резко обернулся – обычные лица, никакого любопытства в глазах.

Не обращая внимания на Хамбиева, Владимир вошел в здание станции.

– Есенин, ну как? – с надеждой спрашивал семенящий рядом Каныш.

Владимир, посмотрев короткое расписание поездов, заглянул в окошко кассы:

– На 921-й билеты есть?

Кассирша кивнула. Есенин достал свернутые вчетверо мелкие купюры.

– Есенин, возьми с собой. Выручи. Поехали к Беку. Век не забуду, – канючил Каныш.

Есенин мельком взглянул на жалкое испуганное лицо парня.

– На 921-й, – он протянул кассирше деньги. – Два билета до Туркестана. – Он назвал станцию, где жили родители.

На лице Хамбиева появилась осторожная улыбка. Есенин взял билеты и, не глядя на попутчика, прошел сквозь здание на платформу. В стороне женщина вырывала бутылку из рук хлипкого мужичка и отчитывала бедолагу. На его пьяном лице блуждала улыбка чрезвычайно довольного челове-

ка. Вор ему позавидовал, под ложечкой призывно засосало. Когда же он сам пил в последний раз? А ведь сегодня у него праздник! Не каждый день на свободу выходят.

Есенин лениво обернулся:

– Как там тебя? Ныш? Сбегай за портвейном, Ныш. Я вон там на лавочке посижу.

– Я мигом, – радостно согласился Хамбиев, осторожно беря протянутую купюру. – До Арыся надо было билеты брать. Бек ждет нас там.

«Не забыл Бек, однако. Как приперло, не смог без меня обойтись», – гордо подумал Есенин, присаживаясь на лавку. «Без Есенина ты – ноль, а с Есениным – король»! В предвкушении скорой выпивки вор закурил, размышляя, что дела у Бека и правда бывают верные.

Глава 3

– Тихон, тебя внизу Нинка Брагина ждет, – с ехидной улыбкой сообщил Александр Евтушенко, войдя в комнату. – Ради тебя она даже принарядилась в дорогу.

Тихон Заколов недовольно отложил учебник по «Теории вероятностей» и взглянул на часы.

– Зачем она так рано? До поезда больше двух часов. Да еще он обязательно опоздает. Сам знаешь.

– Я-то знаю, но...

Евтушенко оперся кулаками о стол и склонил голову, как декан во время лекции. Его взгляд уткнулся в извечный бардак студенческого общежития. На столе вперемежку валялись конспекты, учебники и остатки пищи. Тихон наблюдал лишь вихрастую макушку друга и знал, что в прикрытых ею клеточках мозга сейчас рождаются новые философские формулировки.

Так и вышло. Евтушенко вздернул подбородок и продолжил:

– Но ты рассуждаешь как разумное существо, умеющее мыслить последовательно. Ты знаешь, что, если хочешь увидеть рассвет, следует сначала дожждаться заката, и даже в этом случае совсем ни к чему пялиться в небо, начиная с полуночи. Но к юным девушкам это не относится. Женская логика – это отсутствие всякой логики! Их подстегивают эмоции.

Для Нины страх опоздать на поезд выше всех твоих логических рассуждений.

— Я ей на пальцах объясню, что у нас уйма времени. — Тихон решительно встал. Ему не терпелось дочитать интересную главу из учебника.

— Она уже пришла. Ты хочешь провести остаток времени в обществе нервной издерганной девушки? — остановил друга Александр.

— Нет. — Тихон плюхнулся обратно на стул. — Пожалуй, ты прав. — Через секунду рука Заколова потянулась за дорожной сумкой. Вжикнула широкая молния, учебник захлопнулся, толстая книга примяла одежду. — Ладно, я отчаливаю. Счастливого тебе слетать в Москву.

Друзья хлопнули друг друга раскрытыми ладонями.

Как обычно, на майские праздники Тихон собирался съездить в Приозерск к родителям. Дорога предстояла дальняя, с пересадкой. Был вечер 30 апреля. Только 2 мая ранним утром он должен прибыть домой, а после Дня победы предстояло вернуться в институт. В этот раз неразлучный друг Сашка Евтушенко летел в Москву. Он там ни разу не был.

В попутчицы к Тихону напросилась Нина Брагина, учащаяся местного техникума. Она тоже была из Приозерска, но на два года младше ребят. Ей едва исполнилось семнадцать, и ехать в поезде одна она опасалась.

Закинув сумку на плечо, Тихон бодро пробежал по ступенькам в холл общежития. Потрепанные кроссовки пружини-

ли беззвучно, серые штаны-техасы отечественного покроя сморщились под коленями, на широкой спине раздувалась легкая спортивная куртка.

Навстречу поднялась Нина в узких туфлях на низком каблучке, в короткой клетчатой юбке в круговую складку и зеленой трикотажной кофточке с вышитой на груди огромной ромашкой. Тонкая рука девушки с готовностью вцепилась в тряпичный чемодан, тело изогнулось.

– Пора? – глядя снизу вверх, спросила она.

Застенчивая улыбка прорезала мягкой дугой широкое лицо девушки, на щеках четче проявились редкие точки красных прыщиков. Короткие каштановые волосы шарообразно обнимали скулы, загибаясь острыми клиньями под подбородком. От этого голова Нины казалась еще больше, словно она надела шлем. Но неудачную прическу компенсировала стройная фигурка девушки. Там, где положено было выступать и торчать, все выступало и торчало как надо, соблюдая завлекательные пропорции.

– Пора, – согласился Тихон, скептически оглядев непрacticную одежду девушки, и подхватил ее чемодан.

Все поезда на станции Тюратам были проходящими, и билеты на них заранее не продавались. Многочисленный опыт поездок говорил Заколову, что даже когда подходило законное время продажи, всегда выяснялось, что билетов нет или их отпускают только по брони для полковников и генералов.

Вот и в этот раз билетов ни на Алма-Атинский, ни на Фрунзенский поезда с удобной пересадкой в Чу не было. Оставался еще вариант с Ташкентским поездом с пересадкой в Арысе, но он приходил гораздо позже, и ждать его наверняка не имело смысла. Тем более в предпраздничный день.

Но Тихона это ничуть не печалило. Он знал, что всегда можно договориться с проводниками. Они охотно брали неприхотливых студентов, которых можно было и на третью полку определить, и, в случае чего, в тамбуре подержать несколько часов. Иногда таким способом даже удавалось прокатиться по-королевски, в индивидуальном купе. Поэтому Заколов и к кассам-то не совался, а спокойно ждал прибытия скорого поезда Москва-Алма-Ата.

Но Нина не разделяла его железной выдержки. Она постоянно курсировала от кассы к скамье, где примостился Заколов.

– Тихон, как ты можешь сидеть и читать учебник? Ведь надо же что-то делать! Смотри, все около кассы толпятся.

– Ну и что? Там же написано: «Билетов нет». Незачем зря стоять, – не отрываясь от книги, ответил Заколов.

– Нет. Я видела, один офицер брал билеты!

– Это логично.

– Почему?

– Потому что он полковник. Это по брони. Нам не дадут. – Тихон прикрыл учебник и по-отечески взглянул на непонятливую девушку. – Нин, не суетись. Вероятность покупки на-

ми билетов близка к нулю. Это же очевидно. Подойдет поезд, я договорюсь с проводником.

– А вдруг проводник нас не возьмет. – Девушка нервно порхала около невозмутимого Заколова. – Ну не будет у них ни одного свободного местечка! Что тогда?

– В плацкартный на третью полку пристроимся.

– На третью?! Это же для чемоданов. Как я туда залезу?

– Нин, я помогу, – улыбнулся Тихон.

– Я боюсь спать на третьей, оттуда упасть можно, – округлив глаза, испугалась Нина. Она мужественно переварила новость, ее глаза деловито прищурились: – А скидку по студенческим билетам проводник дает?

– Нин, ну не будь ребенком.

Девушка горько вздохнула и удрученно присела рядом с Тихоном. Ее острые локти уткнулись в голые коленки.

Станционный диктор объявил о прибытии поезда № 921 до Арыся.

– А это что за поезд? – встрепелась Нина.

– Судя по номеру – почтово-багажный, – пояснил Заколов. Он посмотрел в окно. По платформе медленно прополз и замер состав из зеленых вагонов без окон. – Видишь, только первый вагон пассажирский.

– Пассажирский?!

Нина резво вскочила и подбежала к кассе. Ее стройная фигурка юрко протиснулась сквозь вялую толпу пассажиров-оптимистов, ожидающих билетов. Заколов видел, как

шарообразная головка уткнулась в стекло, а затем так резко развернулась, что кончики метнувшихся волос угодили в рот и прилипли к девичьим губам.

– Тихон! – радостно крикнула Нина. – На 921-й билеты есть!

Заколов не спеша подошел к кассе, чтобы образумить неопытную девушку.

– Этот поезд идет в два раза медленнее скорого, – пояснил он.

– Ну и что!

– На любом полустанке останавливается и стоит по двадцать минут, пока почту не загрузят.

– Ну и что! Зато мне не надо будет спать на третьей полке. Поехали на нем.

Тихон смотрел в радостные глаза девчушки. А почему бы и нет, раз она так счастлива?

– Будете брать? – приподняла густые брови упитанная кассирша.

– Два. До Арыся, – согласился Тихон и протянул деньги.

Через минуту они спешили вдоль перрона к единственному пассажирскому вагону во главе состава. Нина бойко припрыгивала впереди, стуча каблучками, и подзадоривала Тихона. Клетки на юбке дружно вздрагивали и наползали друг на друга, шустрые бедра мелькали белизной на фоне серых плит.

Заколов с большой сумкой и неудобным чемоданом шел

быстро, но расчетливо. Он видел, что разгрузка багажного вагона еще не закончена.

Суетливый экспедитор оторвался от накладных и проводил бегущую девушку долгим сальным взглядом. Помимо него из темноты раскрытого вагона осторожно высунулся человек в милицейской форме. Его тяжелый взор прожигал пустую платформу, концентрируясь перед входом в пассажирский вагон.

Возможно от этого, поднимаясь по ступеням, Заколов почувствовал себя особенно неуютно. Он оглянулся. Голова незнакомца исчезла. Тихон досадливо поморщился и поспешил вслед за Ниной.

Но как только он отвернулся, мрачные зрачки появились вновь.

Глава 4

– Лиза, ну я тебе говорил, говорил?

Седой сухощавый старик наседали на маленькую, тревожно задумавшуюся старушку. Они стояли около железнодорожной станции в том самом месте, где утром топтались Есенин с Хамбиевым. Линялую ткань бесформенного пиджака мужчины оттягивала гроздь медалей. На худом горле криво топорщились уголки воротника светлой рубашки, застегнутой на все пуговицы. Старик не унимался:

– Я тебе говорил или нет, что незачем сюда ехать?

– Вася, я же хотела Вову встретить, – оправдывалась старушка, промокая набухшие уголки глаз кончиком пестрого платка, крепко стянутого под подбородком. – Он ить пять лет дома не был. Знаешь, как бы он обрадовался, если бы вышел из треклятой колонии, а тут мы – родные люди.

– Нет, ты мне ответь, я тебе говорил или нет?

– Ну, говорил, – старушка всплеснула руками и насупилась. – Я те талдычу, что по Вовке соскучилась. Я же не знала, что их спозаранку выпускают, а тут еще поезд опоздал. Чем зудеть, сидел бы дома. Я и одна могла съездить.

– Ну да, одна! Расхрабрилась! Куда ты одна? Тебя одну отпусти. Пропала бы. – Старик уверенно потрянул головой, медали на груди отозвались тихим перезвоном. – И билета не смогла бы купить. Кто б тебе дал в праздник? Мне как

ветерану все равно бесплатный проезд полагается. А куда я езжу? Уж сколько лет в хате углы меряю.

– Вась, а поезд наш только вечером?

– А то ты не знаешь! – Старик умерил пыл и огляделся. – Пойдем где-нибудь присядем, а то что-то сердце...

– А ну как Вовка домой раньше нас приедет? А у него даже ключа нет.

– Ключа! – старик горько скривил губы. – Нужен ему твой ключ. Ты что, забыла, за что он сидел?

– И поесть ему никто не даст. Он ведь есть, наверное, страсть как хочет. Их же там в колониях не кормят поди.

– А за что их кормить? За то, что народное добро разворывают?

– Так бы я споро на стол сметала, – не слушая мужа, продолжала рассуждать старушка. – У меня все по кастрюлькам приготовлено, только разогреть осталось. Эх, когда ж наш поезд-то?

– Сиди и жди. Не скоро еще.

Василий Николаевич и Лизавета Кондратьевна Есенины сели на скамью с облупившейся краской в тени старого тополя. Старушка по-хозяйски заворошила свертки в большой дерматиновой сумке с ручками, обмотанными изолентой.

– Тебе, Вась, чего? Картошечки или яичко? Я ить столько продуктов прихватила. Все для Вовки, окаянного. А вот пирожки. Он их так любил. Помнишь, как после уроков в школе набрасывался? Придет – и сразу на кухню...

– Лиза, где мои таблетки? – Побледневший старик растерянно хлопал по карманам.

Желтые пальцы женщины с распухшими суставами проворно обшарили карманы пиджака и извлекли маленький пузырек.

– Вот, Вася, вот.

Старик сунул в рот две таблетки, закрыл глаза и прижал ладонь к сердцу.

– Ну как, отпустило? – участливо вглядывалась в его лицо жена.

– Вроде. – Василий Николаевич медленно поднял веки и трагически прошептал: – Скоро совсем отпустит.

– Тьфу, тьфу! Типун тебе на язык. Внуков бы нам дожидаться, вынянчить, а тады уже можно. – Старушка задумалась, держа в руке картофелину в мундире. – Была бы Маруся жива, она бы нам нарожала. Ты Марусю, Вась, вспомни-наешь?

– Я же ее не видел. На фронт ушел, ты еще не родила.

– Да, верно. А я ее часто вижу. Во сне. Особенно как Ваську посадили.

Лизавета Кондратьевна вспомнила тощенькие ручонки маленькой Маруси, цепляющиеся за пустую грудь. Когда пришел немец, голодно совсем стало. Девочка заболела, лекарств не было, она и зачахла. Увяла без крика, как цветок без воды. Из всех слов только тоненькое «мама» научилась говорить. Завернула тогда Лиза крохотное тельце в бе-

лый рушничок да схоронила под яблонькой. С тех пор не-
моготу в родной деревне жить стало. Как из дома выйдешь,
все на яблоньку косишься. Глаза туманятся слезами, и руки
опускаются.

Когда Василий с войны живой пришел, слава тебе Госпо-
ди, переехали сюда, в Казахстан. Василий на железной доро-
ге пристроился. А там вскорости Вовка родился. Не жизнь
— а счастье.

Глава 5

Смурной, изрядно захмелевший Есенин сидел на боковом месте плацкартного вагона. Он всегда предпочитал именно боковые места. Отсюда вагон хорошо просматривается, и к неприятным неожиданностям можно успеть подготовиться. Сейчас ему опасаться было совершенно нечего – за все старое отсидел сполна, но привычка контролировать ситуацию осталась.

Время от времени он окидывал пьяным взором проход и переводил взгляд в окно – на волю, без решеток и конвоиров. Однообразная лента пустынной степи через каждый час-другой прерывалась несколькими неказистыми домишками, состав тормозил, сонный экспедитор багажного вагона не спеша вываливал мешок с письмами и газетами и кидал в вагон обратную корреспонденцию. На крупных станциях мешков было несколько. Вот и все разнообразие.

Почтово-багажным поездом пользовались редкие местные жители, в основном для поездок за покупками на станции покрупнее, где имелись хоть какие-нибудь магазины. Кулеобразные теткы, обвешанные мешками и сумками, кряхтя, влезали в вагон, шлепались на лавки, клевали носами, цепко раскинув руки на багаже, и через одну-две остановки вываливались на очередном неприметном полустанке.

На крупных станциях Есенин гонял Ныша за вином. На-

чав пить с утра, он уже не мог остановиться. Ныш скатывался с верхней полки, брал деньги и вскоре возвращался с бутылкой портвейна. Быстро распив ее на двоих из горлышка, Ныш заваливался наверх, а Есенин стойко водил осоловелым взглядом вдоль вагона.

Иногда компанию им составлял проводник Гриша, лысеющий мужчина средних лет, старательно зачесывающий длинные сальные волосы на большую проплешину на макушке. Тот всю дорогу сокрушался и твердил, что незачем было покупать билеты. Он бы за полцены посадил таких хороших людей.

И впрямь, многочисленные тетки перли в вагон безо всяких билетов. Гриша собирал с них при входе трешки и пятерки, на этом свои функции он считал исчерпанными. По вагону катались пустые бутылки, многие пассажиры курили, не выходя в тамбур, мусор в углах скапливался в мохнатые горки. Одно из окон было разбито. Оттуда врывался прогорклый воздух, густо перемешанный с грохотом колес.

Тетки сторонились Есенина. Если кто-то садился в купе напротив, Есенин с угрюмым взором декламировал стихи. Он явно нуждался в слушателях. Стихи в основном были блатные, некоторые со странными призывами к революции и почти все с матом. Проводник по-бабьи хихикал, испуганные тетки, похватав узлы, отсаживались от греха подальше.

Под вечер Есенин опьянел окончательно. Голова дергалась, выскальзывала из ослабленных рук и билась о столик.

После очередного такого удара Есенин вздрогнул и уставился в окно. Поезд вяло тормозил у станции с названием Тюра-там. Если имеется крупная вывеска, значит, станция большая, решил Есенин.

– Ныш! Ныш! – заорал он и стукнул кулаком в верхнюю полку. – Слезай! Вали за пузырем.

Заспанный Ныш с красной отлежанной щекой скатился вниз, грохнувшись коленями о пол. Широкие штанины елозили в пыли, пока он поднимался.

– Щас, щас, – твердил парень, неуклюже двигаясь по проходу. На полпути он вернулся. – Деньги давай.

Ныш протянул ладонь. Есенин покопался в карманах и wygrеб несколько мятых рублей с мелочью. Часть денег просыпалась мимо качающейся ладони Ныша, монетки зазвенели, раскатываясь по полу. Ныш ринулся собирать. Он ползал на коленях, сопел и громко дул на найденные монетки.

– Все в ажуре! Щас будет! – Довольный собой, Ныш пофланировал к выходу.

Есенин тупо пялился в пыльное окошко. К вагону подбежала девушка, за ней широко шагал парень с чемоданом и сумкой. Парень помог девушке подняться на крутые ступеньки и легко запрыгнул сам с неудобной ношей.

Из тамбура послышался грубый голос проводника:

– Чего суешь? На хрена мне твои билеты. Деньги давай! Эти бумажки здесь не действительны. Куда прешь?!

Послышалась возня, словно кто-то кого-то толкал. Дверь

из тамбура открылась, стукнувшись о стенку, и препирающиеся голоса двинулись в вагон. Проводник отступал под напором парня с багажом, потом невнятно выругался, дверь в купе проводника с шумом захлопнулась. По проходу пробирался высокий крепкий молодой человек и непонятно чему улыбался. Около Есенина он остановился, увидел напротив пустые места и обернулся к девушке:

– Нина, приземляемся сюда.

Мускулистая рука закинула чемодан на верхнюю полку, парень с девушкой сели друг напротив друга. Молодой человек протер ладонью лоб и обратился к спутнице:

– Я тебе объяснял, что здесь билеты совсем не нужны. Здесь другие порядки!

– Здесь порядок простой, если ты удалец, первым бей между ног, а иначе – капец! – продекламировал Есенин, вглядываясь в новых попутчиков.

После невыразительных бесформенных теток ему бросились в глаза белые ляжки девицы, та даже юбку одернула под тяжелым взглядом. Молодая прыщавая дура, но уже в соку, подумал свысока Есенин. Парнишка чуть постарше, но тоже еще сопляк, имеется особая примета – маленький шрам над губой слева.

– Вот видишь, меня поддерживают, – парень повернулся и вежливо кивнул Есенину.

– Проводник нас не хотел пускать, – пояснила девушка, разгладив кофту с большой ромашкой на груди. Видно было,

что столь «радушный» прием ее испугал. – Мы студенты, на праздники едем.

Нине Брагиной нравилось при случае называть себя студенткой, хотя официально она являлась учащейся техникума.

В вагон с бутылкой в руке ввалился Ныш. Он шел, задевая все косяки. Один раз завалился на визгливую тетку.

– Вот! – Ныш бухнул на откидной стол пузырь. Осоловелый взгляд ощупал новых пассажиров. Глаза уперлись в изображение ромашки на кофточке девушки. Под желтым кружком топорщилась грудь, белые лепестки простирались от ворота до живота. Ныш ослабился: – Клевая телка. Эй, Ромашка! Садись к нам.

Девушка обиженно отвернулась к окну, так, чтобы не было видно цветка на кофте.

– У-у ты кака-ая! – вытянул губы в трубочку Ныш.

– Открывай! – приказал Есенин.

Каныш щелкнул ножом, выкидное лезвие тускло блеснуло, срезанная пластиковая пробка запрыгала по полу. Вагон дернулся, вино плеснулось рубиновой кляксой на пластик стола. Под полом, набирая ход, застучали колеса. Есенин глотнул из горлышка, встряхнув головой, подавил бурную отрыжку и протянул бутылку парню.

– Студент, будешь?

Тихон Заколов мягко заслонился раскрытой ладонью.

– Спасибо, спасибо, не хочу.

– Брезгуешь? – насупился Есенин и протянул бутылку де-
вушке. – А мамзель?

Нина Брагина испуганно покосилась на неприятных по-
путчиков и тревожно напряглась. Глазами она искала под-
держки у Тихона.

– Нам не надо, – вежливо отказался парень и даже улыб-
нулся, но тут же отвернулся, считая разговор оконченным.

– Есенин, дай мне! – Каныш нетерпеливо ухватился за ви-
но.

– Ты, фраер мелкий! – Есенин неожиданно выдернул бу-
тылку и, набычившись, обжог Ныша злым взглядом. – Ты чё
в разговор встречаешь? Ну! Ты как должен был меня встре-
тить? Ну! Морду не вороти! Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Есенин, ты пойми. Пролет получился. И на старуху бы-
вает проруха, – Каныш натужно засмеялся.

– Как тебе велели меня встретить?! – Есенин жахнул сво-
бодным кулаком по столу.

– По высшему разряду, – засуетился Каныш. – Такси. Ку-
пе. Вагон-ресторан, выпивка первосортная и это... И бабу на
ночь.

– Вот! – Есенин буравил попутчика огненным взглядом,
скрюченный палец вора назидательно тыкал в испуганное
лицо собутыльника. – А ты чё устроил? Едешь за мой счет.
Вино жрешь за мой счет, а ночью ты чё, мне свою задницу
будешь подставлять?

Каныш побледнел, его длинные волосы тряслись от качки разогнавшегося состава, прикрывая потупившийся взор.

– Есенин, я все для тебя сделаю! Я покажу, кто такой Ныш. Ты не думай, что я фраер. Я настоящий блатной. Все тебе обеспечу. Вот увидишь!

– Посмотрим, – смиловился вор и отдал бутылку.

Хамбиев сложил нож, который все еще держал в руке. И сразу же нервно нажал кнопку, лезвие послушно выскочило. Он проделал так несколько раз, зло озираясь по сторонам. Девчонка в короткой юбке, прижавшаяся к окну, все больше привлекала его внимание.

Ныш залпом влил в горло полбутылки вина, мутный взгляд вновь уперся в девушку. Вот бы ее подложить под Есенина! Другой был бы коленкор.

Пьяный Ныш не стал залезать наверх и плюхнулся за стол напротив Есенина. Вор допил вино и брезгливо отвернулся от Хамбиева.

Обида, как брызги кипятка, обожгла Ныша. Он вытряхнул в дрожащую ладонь несколько шариков насвая, положил под язык и блаженно закрыл глаза. Привычное жжение маленьким пожаром охватило рот, голова, как цистерна цементовоза при погрузке, стала наливаться тяжестью, на этот раз необычайно стремительно. По пьяни насвай он еще не кидал. Но сегодня все не так, как раньше. На кону – его репутация. Пока ехал на встречу с Есениным – опарафинился, как последний лох, а ведь мог круто поднять свой авторитет.

Сейчас надо сделать что-то такое, чтобы и вор его зауважал, и перед Беком можно было похвалиться.

Слюна густо заполняла рот. Каныш привычно сплюнул – глотать нельзя, такая фигня в желудке начнется. Сплюнул еще. Зеленоватая слюна горкой тряслась на грязном полу. Каныш придавил пятно ногой. Стук колес через ступню проникал в тело и нещадно бил в голову. Сквозь занавес опущенных волос Каныш смотрел на белые ноги девушки. Край короткой юбки наискось делил ногу на светлую мякоть и темную ткань.

Аппетитный контраст притягивал. Каныш упорно смотрел на границу темного и светлого. В глазах раздувались кровавые капилляры, нос хищно сопел.

Ночью эту телку я подарю Есенину, твердо решил Хамбиев.

Глава 6

Сумерки стремительно сгущались. Тихон Заколов попытался читать учебник. Тусклый свет в проходе вагона годился лишь для того, чтобы разглядеть контуры выступающих перегородок. Нина прильнула к окну. Кроме белых палок километровых столбов, мелькающих в темноте, смотреть было не на что. Густая синева уходящего вечера набухла чернотой ночи.

Девушка взглянула на Тихона, пытавшегося поймать раскрытыми страницами блеклый свет приглушенной лампы.

– А постель здесь дают? – спросила Нина.

– Нет. Это же почтово-багажный, – Тихон оторвался от книги и протер уставшие глаза. – Сумку под голову, ножки калачиком – вот и все удобства. Завтра доберемся до Арыся, сделаем пересадку. Там я тебя уже слушать не буду. Куда скажу, на тот поезд и сядем.

Тихон посмотрел на неприятных попутчиков. Распили бутылку и вроде затихли. Тот, что постарше, с седым ежиком волос, прикрыл глаза и шевелил губами. Чернявый опустил голову и бесконечно плевал на пол. Куда только проводник смотрит?

Словно услышав немой вопрос, из служебного купе вышел Гриша и нетвердо прошел по вагону. К пухлым чавкающим губам прилипло несколько крошек. Около Ныша он за-

держался. Но смотрел не на его плевки, а на Тихона и Нину. Смотрел угрюмо, лицо сморщилось, как при зубной боли.

Будто ребенок дуется, подумал Заколов, вспомнив их встречу в тамбуре, и попытался миролюбиво улыбнуться. Не помогло. Судя по выражению лица проводника, зубная боль у него только усилилась.

За спиной проводника активно зашевелился седой попутчик:

– Слушай сюда, Гриша, мать твою! – Он дернул проводника за синий форменный китель и величаво задекламировал: – Красная площадь лежит предо мной, я патриот, я горжусь страной! Здесь величайший лежит человек, он изменил целый Мир на век. Сзади за ним вырастает стена. Что, от кого закрывает она? Подлая кучка за этой стеной грабит, владеет огромной страной. Встань, смелый Вождь, пробудись ото сна! Снова России свобода нужна!

– Молодец, Есенин! – поднял голову Ныш и пьяно стукнул по столу. – Так им!

Проводник тупо хлопал глазами. Высунулась любопытная женщина, но, дослушав до конца, испуганно спряталась за перегородку. Нина оторвала взор от темного окна и удивленно смотрела на человека, которого называли Есениным.

Состав визгливо затормозил. Оставшиеся тетки с баулами, дружно толкаясь, покинули вагон. Новых пассажиров не было. Местные жители по ночам почтово-багажным не пользовались.

– Ныш! Дуй за шампанским, – седой поэт ткнул попутчика-азиата и подмигнул Нине: – Бабе веселое вино надо подать, с пузырьками!

Заколов кинул тревожный взгляд вдоль темного вагона. Кроме Нины, представителей женского пола в поезде не осталось. Вот глупая! И зачем она вызывающую юбчонку в дорогу напялила? Не пересест ли в другое место?

Ныш резво встал, опрокинув ногой пустую бутылку под скамьей. На лице заиграла похабная гримаса, сальный взгляд облизывал Нину:

– У-у, Ромашка! – Он обернулся к Есенину: – Давай деньги. В момент шипучку принесу.

Есенин сунул руки в карманы. Рылся долго, досадливо морщился. Потом лицо исказилось:

– Где бабки? Где бабки, я тебя спрашиваю?

– Не знаю, Есенин. У тебя же были. Я пустой.

– Все выжрал! День не прошел, все выжрал!

– Есенин, мы же вместе бухали.

– Ты мне еще перечить будешь?! Ну-ка, тяни сапог! – Есенин выставил в проход ногу. – Там заначка.

Каныш шлепнулся на колени и обеими руками дернул пыльный сапог.

– Давай! Тяни, тяни. – Есенин упирался руками. Каныш дернул в очередной раз и рухнул вместе с сапогом. К запаху разлитого вина и табака добавился жестокий аромат немытых ног. – Где деньги? Ищи деньги!

Каныш заелозил руками по темному полу.

– Нету.

– Ищи! В портянке посмотри!

– Нету.

– Тяни другой сапог!

Каныш дернул.

– И здесь пусто.

– Проверь!

– Пусто, гадом буду!

– Украли, суки! – взревел Есенин. – Украли! Кто?!

Каныш и Есенин одновременно посмотрели на Заколова.

Проводник, до этого стоявший рядом, осторожно попятился.

– Он, не иначе! – Ныш ткнул пальцем в Заколова. – Пока он не пришел – деньги были!

– Убью крысу! – рывкнул Есенин.

– Дядя, я ни при чем. Сидите спокойно, – Тихон пытался говорить вежливо.

– Сидеть?! Мне? – На лице поэта отразилось нешуточное возмущение. – Я уже свое отсидел, сопляк!

Ныш щелкнул ножом, блеснуло выскочившее лезвие.

– Где бабки, фраер? Ну-ка, вывори карманы!

Ныш навис над Тихоном, держась рукой за верхнюю полку.

Нина бочком заскользила вдоль сиденья к проходу, рука тянула чемодан.

– Пойдем, Тиша. Пойдем отсюда, – мягко скулила она.

Тихон взял сумку и попытался встать.

– Сядь, сука! – Ныш толкнул Заколова. Рука с ножом плавно двигалась из стороны в сторону, словно примериваясь для удара. Стальной клинок зловеще блестел перед лицом Тихона.

Нина добралась до края сиденья и соскользнула в проход.

– Куда, красотка? – проводник за перегородкой обхватил Нину и плюхнул ее на сиденье. – Попалась! Дай ромашку потрогать. За желтенькое!

– Отпустите! Уберите руки! – слышал Тихон испуганный голос Нины.

Но эти просьбы лишь раззадорили проводника. Возня с глухими толчками и визгом девушки нарастала. Проводник похабно гоготал, слетевший с лысины чуб трясся перед масляными глазками. Ныш, слушая эти звуки, довольно улыбался.

– Тиша! Тихон... – отчаянный крик Нины захлебнулся. Ладонь проводника смяла рот девушки.

– Отпустите ее. Что вам надо? – Заколов уставился на чернявого парня. Он старался не обращать внимания на нож и держаться уверенно. Но телу стало зябко, по коже поползли мурашки, словно от стального лезвия исходил ледяной холод.

– Бабки, бабки гони! – наливающиеся злостью глаза Ныша мерцали сквозь трясущиеся пряди сальных волос.

Тихон торопливо залез в карман, пальцы нащупали

несколько купюр, он сунул их бандиту. Надо скорее откупиться и спасти Нину, решил он.

– Вот так, хорошо себя ведешь. Есенин, я должен был тебе обеспечить бабу! – крикнул за спину Ныш. – Бери Ромашку! Я пока фраерка покараулю.

Сзади встал и засопел Есенин, все это время надевавший сапоги. Он нашел, выпавший из них четвертной, но Ныша не останавливал.

– Пойдите! Я же отдал вам деньги, отпустите ее. – Тихон привстал, но его голос звучал неуверенно.

– Не рыпайся! – Хамбиев легко ткнул острием Заколову в плечо. Тихон шлепнулся на сиденье. Бандит сунул нож прямо к лицу Заколова, острый кончик переходил от одного глаза к другому. – Сиди смирно! Дернешься – уokoшу!

Есенин прошаркал за перегородку. Нина жалобно завизжала, проводник держал ее и хихикал.

Тихон попытался подняться. Сидя под низкой полкой, он чувствовал себя совершенно беспомощным. Ныш резко выдохнул «Гы!» и сделал короткое движение ножом, будто колет. Тихон отшатнулся, затылок уперся в стенку. Глаза затравленно следили за острием блеснувшего клинка. За ним мерцал безумный взгляд бандита. Тело Заколова парализовал липкий страх. Ноги сделались ватными, обессиленные руки боялись подняться. Он не слышал затравленных криков о помощи, вся панорама мира с изображением и звуком сконцентрировалась в острие ножа, маячившего перед гла-

зами. Стальной клинок заслонял все!

Поезд неспешно тронулся, качнувшийся нож кольнул щеку.

– Может этого за борт, а? И я присоединюсь? – произнесла фигура с ножом и загоготала.

Тихон даже не понимал, что говорят про него. Все, что располагалось дальше клинка, тонуло в вязком тумане.

Вдали стукнула дверь, послышался топот. Нож неожиданно схлопнулся и исчез, но испуганные зрачки Тихона продолжали искать острую стальную точку. Поезд, дернувшись, притормозил. Заколов растерянно водил глазами, стремясь найти жуткую утрату, мгновение назад составлявшую для него весь мир.

Из тумана выплыло лицо в армейской фуражке:

– Парень, ты цел?

Тихон очнулся, словно стряхнул сон. Над ним склонился офицер в полевой форме. Сзади сгрудилось несколько солдат.

– А где?.. – Тихон беспомощно огляделся.

– Мы их выкинули из поезда. Пусть пешком топают. Девушка с тобой?

– Да. – Тихон встал и протиснулся к Нине.

– Мы здесь до утра. В случае чего обращайтесь, – офицер улыбнулся и скомандовал солдатам: – Объявляю отбой!

Военные двинулись в дальнее купе. Состав вновь тронулся.

Бледная взлохмаченная Нина растирала слезы и поправляла нехитрую одежду.

– Ты как? – Тихон отвел глаза. Стыд за былой страх и беспомощность залил пурпуром лицо. Даже ушам стало жарко.

– Не успели, – хмуро ответила девушка и ощупала кровоточащую губу. – Где зеркальце? Где мой чемодан?

Тихон высунулся в проход. Откинутый кем-то чемодан валялся в нескольких метрах в стороне. Рядом с ним из-за перегородки осторожно высунулось злое лицо проводника.

– Ну уж с этим я сам разберусь, – Тихону не терпелось оправдаться перед Ниной и он ринулся к проводнику.

Гриша вскочил, зачем-то подхватил чемодан и затрусил с ним к тамбуру. Около открытой вагонной двери Тихон его нагнал.

– Выметайтесь тоже! – крикнул проводник и кинул чемодан в ночной поток воздуха.

– Сволочь! – ругнулся Тихон, оттолкнул проводника и высунулся из вагона.

Поезд набирал ход, но шел еще достаточно медленно. В тамбур вбежала встревоженная Нина.

– Там подарки сестре и маме, – захныкала она.

– Успею! – крикнул Заколов и выскочил из вагона.

Тело еще в полете мгновенно охватывает ночная прохлада. Приземление. Ему удалось удержаться на ногах. Он бежит назад, подхватывает чемодан и мчится обратно. Нина свесилась на поручнях и кричит: «Тиша-а!». Заколова от

нее отделяет уже несколько вагонов. Все они багажные, зацепиться не за что. Ну хоть бы один пассажирский с поручнями!

Тихон бежит быстрее состава, он сокращает расстояние до заветных ступенек. Крупные камни насыпи больно ударяют в ступни, гарь из труб тепловоза вонючими комьями шибает в лицо, зажатый в руках чемодан бьется в грудь.

Он надрывается, но нагоняет вагон! Вот между ним и Ниной лишь несколько метров. Последний рывок – он напротив двери! Тихон протягивает ей чемодан, рука хватается за поручень, нога встает на нижнюю ступеньку. Все! Успел!

И вдруг Нина, ойкнув, валится на него. За ее спиной мелькает злорадная улыбка проводника. Тихон и Нина скатываются по острым закопченным камням. Стальные колеса отстукивают, как спаренные молоты по наковальне, дробную мелодию. Тяжелый поезд будто прокатывается сверху. Удары совсем близко, каждый отдается в голове звонким молотком.

Глава 7

– Вась, ты чего? – Елизавета Кондратьевна толкнула локтем мужа. – Никак наш поезд объявили?

Василий Николаевич с трудом разлепил веки. Холод наступающей ночи и кусачие комары разом вернули его из дремы. Поезд! – сверкнуло в голове. Он резко встал с привокзальной скамьи и выкрикнул:

– Чего сидишь, бестолковая? – В груди кольнуло, голос сорвался и перешел в недовольный хрип: – По-езд!

– Так я же тебя бужу! – Старушка одной рукой подхватила сумку, другой поддержала мужа: – Пойдем, Вася.

– Иду, – хрипел недовольный старик. – Вагон какой?

– Одиннадцатый.

– Сам знаю! – грубо огорошил Василий Николаевич.

Елизавета Кондратьевна промолчала. За долгие годы она успела усвоить: когда мужу плохо, он волнуется и кипит больше обычного. Надо стерпеть.

На перрон, устало постукивая колесами, выкатывалась зеленая вереница вагонов с тусклым светом в окнах. Колесные тележки звучно вжикнули, кулаки сцепок звякнули, ткнувшись друг в друга, поезд сжался и остановился.

– Вот наш вагон, – старик семенил к раскрытой двери, где грозно возвышался проводник. – Лиз, доставай билеты.

– Чего? – проводник ковырнул ногтем меж зубами, по-

смотрел на палец и звучно сплюнул.

– У нас билеты в ваш вагон.

– Какие, к чертям, билеты! Мест нет, все занято! Вали отсюда, – повышая голос, гудел проводник.

Снизу старику казалось, что пухлые щеки проводника торчат сразу над большим животом.

– Вот, посмотрите! – Василий Николаевич тыкал пальцем в розовые полосы билетов.

– Ничего не знаю! Мест нет, иди разбирайся в кассу. Что они там, с ума посходили? Иди, иди!

Проводник повернулся, намереваясь прикрыть дверь. За спиной в тамбуре курил пассажир в костюме.

– Вы бы хоть в вагон их пустили, – прищурившись, сказал пассажир. – Люди пожилые.

– Еще мне указывать! Раскурились тут, – умерил пыл проводник, оценивая солидный вид пассажира. Обернулся, посмотрел на кольчугу из медалей на груди старика и протянул руку: – Чего там у тебя?

Василий Николаевич с готовностью подал билеты.

– Им бумажку напечатать, – пара пустяков. Бумажка не диван, на ней не выспишься! Мой вагон вписали. Он что, безразмерный? – бурчал проводник, разглядывая билеты. – Проходите, но предупреждаю, мест нет! Будете всю дорогу в коридоре куковать!

Елизавета Кондратьевна, пугливо рассыпаясь в благодарностях, полезла в вагон. Василий Николаевич с выхваченной

у жены сумкой поднимался тяжело. Плюхнувшись на откидное сиденье в узком коридоре, он дрожащей рукой вынул две таблетки и положил под язык. Седая голова с закрытыми глазами запрокинулась на стенку тронувшегося вагона.

– Надо было в плацкартный брать, – тихо говорила старушка. – Там мест больше и люди добрее.

– Ничего, Лизонька, ничего. – Старик приоткрыл глаза, но его лицо еще сохраняло матовую бледность. – Сейчас я пойду к бригадиру поезда и все улажу. Если здесь мест нет, пусть в другом вагоне дают. Обязаны.

Он встал и постучал в дверь к проводнику. Тот приоткрыл. Жующая физиономия пыталась заслонить столик с бутылкой.

– Чего еще? До Кзыл-Орды мест не будет!

– В каком вагоне у вас находится бригадир? – сухо поинтересовался Василий Николаевич.

– Не поможет тебе никакой бригадир. Не знаю, где он! – отрезал проводник, и дверь с шумом захлопнулась.

Лицо старика вспыхнуло, будто после сильной пощечины. Он хотел было вновь постучать, но передумал и, держась за стенку, двинулся в соседний вагон. Там с ним тоже не стали разговаривать. На вопрос о бригадире взлохмаченная проводница лишь махнула рукой: «Дальше, дальше».

Но следующим оказался вагон-ресторан. Дверь в него была закрыта, а за мутным стеклом уборщица мыла пол. Старик постучал. Уборщица, словно видела его в десятый раз,

устало вздохнула и без умолку затараторила:

– Закрыто уже все, закрыто! Нет никакой водки. Иди спать. Голова седая, а все туда же. Сил на вас нет, алкоголики несчастные! Иди, все равно ничего не дождешься. В конец меня измучили, подтирай тут за вами! И медали твои не помогут, не тряси! Чего стучишь? Ну чё колошматишь? Щас вот как дам шваброй, отстучишься.

– Да вы... Да вы хоть послушайте, – старался вставить слово Василий Николаевич. Ему приходилось кричать, неприкрытый грохот колес рвался из-под ног. – Мне к бригадиру пройти!

– И слушать не буду! Знаю я вас, алкоголиков. И не таких видала. Брехать вы умеете. Ты что, не набрался еще? Или хочешь все деньги разом спустить? Вон, на ногах уж не стоишь, качаешься.

– Мне к бригадиру, поверьте. С местами разобраться, – Василий Николаевич потряс перед стеклом билетами.

– Спят давно уж все, – устало ответила уборщица. – Тебе откроешь – все попрут. Утром приходи.

Она подхватила ведро и швабру. Согбенная фигура в синем халате скрылась за второй дверью.

Старик стоял на трясущихся железках между вагонами. Холодный ветер под аккомпанемент грохочущего металла врывался в лязгающие щели. Привычный запах железной дороги отдавал во рту неприятной кислинкой. Казалось, что под язык набилась толченая ржавчина.

Василий Николаевич неуклюже развернулся на стыке вагонов. Внезапно глаза затуманились, к горлу подступила противная тошнота, кадык дернулся, пытаясь вытолкнуть гадкую ржавчину. Внутри на мгновение все похолодело, а затем резкая режущая боль пронзила сердце. Оно сжалось и не хотело разжиматься.

Старик пошатнулся, руки скользнули по закопченной стенке, из раскрывшихся заскорузлых пальцев выскользнули листочки проездных билетов. На секунду они залепили чавкающую щель между вагонами, затем поток воздуха, причмокнув, утянул их под колеса. Старик рухнул, зацепив головой дверную ручку. Дверца распахнулась, седая голова вывалилась на замусоренный пол. В белых волосах проступила красная маслянистая влага.

В полутемном тамбуре скрипящая дверца равномерно билась о плечо лежащего ничком старика. На смявшемся пиджаке в такт вагонным колесам испуганно вздрагивали медали.

Глава 8

В спину давит булыжник, будто им кто-то тычет, от локтя расползается ноющая боль, нога распластана по земле коленом внутрь, тело чем-то придавлено. Но живой и, похоже, целый.

Заколов открыл глаза. Каштановые волосы Нины в ночной темноте выглядят черными. Круглый шарик ее головы прямо у него под подбородком. Аромат цветочных духов вытеснил вонь железной дороги. Девушка лежит сверху. Ее дыхание влажным теплом согревает грудь Тихона, рубашка у него порвана.

Нина зашевелилась, подняла лицо. Кроме отблеска мокрых глаз ничего не видно.

– А у тебя волосы, – говорит она.

– Что?

– У тебя волосы на груди. Они мягкие. Щекотят.

– Что щекотят?

– Губы.

– Это логично.

Тихон не видит ее лица, но чувствует, что она улыбается. И еще он чувствует, как грудь девушки теплыми комочками мягко давит на живот. Оба дышат в такт. И в момент взаимного вдоха упругая теплота давит сильнее. Ну да, женщины дышат грудью, а мужчины животом. А когда оба выдыхают,

контакт ослабевает и почему-то становится щекотно. И хочется, чтобы этот цикл приятных ощущений повторялся.

А еще ниже в ее живот упирается его...

Тихона бросает в жар. Хорошо, что в темноте не видно, как краснеют щеки. Он ворочается и приподнимается. Нина садится рядом.

– Вот это мы скатились! Как ты? – спрашивает Тихон, отводя глаза.

– Ничего. Коленку, по-моему, расшибла. – Она слюнявит пальцы и трет коленку.

– Дай посмотрю.

Тихон склоняется над темной ссадиной. Видно плохо, надо щупать. Пальцы ложатся на круглую коленку. Кожа прохладная, на месте ранки – теплее. Он делает круговое движение рукой – легкая царапина немного кровоточит.

– Ерунда, – говорит Тихон. – Прижми платок на пару минут. Даже перевязывать не надо. На воздухе быстрее заживет.

Его пальцы еще на девичьей ноге. Кожа гладкая, особенно на внутренней стороне ноги и выше. Тихон невольно смотрит на белизну над коленкой. Нога расширяется и уходит под юбку, глаза тоже тянутся туда. И рука. Клетчатая ткань юбки смялась, задралась и почти ничего не прикрывает. Тихон отдергивает руку. От пальцев исходит дурманящий запах девушки.

– У тебя юбка, – Тихон с трудом отводит взгляд, – испач-

калась. Зря ты ее надела. В поезде лучше в брюках.

– Тебе не нравится?

– При чем тут я? Ты же видела, какие ублюдки в поездах встречаются. Лучше не давать повода!

Последние слова Тихон произнес громко.

Нина встала, оправила складки на юбке, разгладила ромашку на кофте. В лунном свете хорошо виднелся белый ареол лепестков вокруг желтого круга.

Рядом криво раззявил пасть чемодан. От удара он раскрылся. Из рассыпавшихся вещей торчала мордочка плюшевого медвежонка. Жалобно блестел черный пластмассовый нос, стеклянные глазки испуганно таранились в звездное небо.

Девушка жадно выхватила игрушку, нежно прижала мягкого мохнатика к щеке:

– Это для сестры, – пояснила она. – Я назвала его Нюся.

– Почему Нюся? – удивился Тихон.

– Потому что он хороший! – Девушка посмотрела на добродушную мордочку и засюсюкала, как с ребенком: – Ты не ударился, Нюся? Не испугался? Я тоже испугалась. Но ничего, сейчас я тебя уложу, тебе хорошо будет.

Она безуспешно попыталась примять рассыпавшиеся вещи и прикрыть крышкой. Молния на матерчатом чемодане разорвалась.

Тихон присел рядом:

– Порвано капитально, не восстановишь. – Он вновь близ-

ко увидел ее ноги. – Ты бы лучше джинсы надела. Холодно.

После этих слов Нине и впрямь как-то сразу стало прохладно.

– Холодно... Как же мы теперь без поезда? – спросила она и поежилась.

– Надевай джинсы, пойдем на станцию. Тут недалеко должна быть. Поезд совсем недавно останавливался.

Нина скинула туфли, расправила джинсы, кокетливо покосилась на Тихона:

– Отвернись.

– И обувь лучше другую, мягкую, – посоветовал Заколов и отвернулся.

Вдалеке неприметным огоньком светилось окошко станционной постройки. От уставших натруженных рельс исходил въедливый запах гари.

– Ну и черт с ним, с этим почтово-багажным, – тихо произнес Заколов.

– Что?

– Я говорю, – Тихон невольно обернулся и замолк на полуслове.

Нина интенсивно двигала попкой, влезая в тесные джинсы. Белый треугольник трусов колыхался, пока нижний угол не затянулся занавесом брюк. Нина дернула джинсы вверх, повернулась и вжикнула молнией.

– Что? – еще раз спросила она, застегивая ремень.

– Я говорю, если на скорый пересядем, то ничего не по-

теряем. – Он все еще смотрел на то место, где под молнией скрылись белые трусики. Потом перевел смущенный взгляд вниз. – Это правильно, что ты обула кроссовки. По щебню на каблуках неудобно.

– Так лучше? – Нина пригладила джинсы на бедрах, пытаясь перехватить взгляд Тихона. – Или в юбке?

– Юбка – это для другого случая.

Они направились к станции. Заколов тащил под мышкой чемодан, перевязанный колготками. Нина несла медвежонка.

– А моя сумка в поезде осталась, – вспомнил Тихон.

– Как же ты теперь?

– Да ладно, обойдусь. – Тихон мельком взглянул на Нину. В темноте она казалась интереснее. Или он просто раньше к ней не приглядывался. – Знаешь, Нин. Там, в поезде, он с ножом на меня пер. Прямо в лицо тыкал. Я все ждал момента... чтобы тебе помочь.

– Я знаю, ты сильный.

– Правда, Нин, не смейся.

– Я серьезно!

– Понимаешь, я только сначала растерялся, а потом уже почти собрался... Но... Хорошо, что военные подросли.

– А я видела, как ты в городских соревнованиях по боксу выступал, – неожиданно сказала Нина. – Ты в десятом классе учился, а я в восьмом. Ты еще всех побеждал.

– Не всех, – честно признался Тихон. – В финале Прохо-

рову проиграл. Он КМС – кандидат в мастера спорта, а у меня только первый разряд.

– А мне казалось, что ты лучше всех был. Я видела, как ты на перекладине в школе солнышко крутил.

– А я тебя по школе не помню, – честно признался Тихон.

– Конечно, ты выпускник был, а я кто? Даже лифчик еще не носила. Помню, мама мне его уже купила, и я, как помоюсь, в ванной примеряла. А он все велик и велик.

Нина рассмеялась. Тихон улыбнулся, вспомнив, что взрослость отмерял пушком над губами, и был страшно горд, когда впервые побрился.

– Колено не болит? – поинтересовался Тихон.

– Нет, нисколько. – Нина бодро пнула камешек. – Вот приедем домой и будем вспоминать, в какое приключение мы попали. Да?

– Особенно этого, со стихами. Есенина.

– А второй все за бутылками бегал. На ногах не стоит, а все за вином!

– А проводник-то какой пьяный!

– И пускать нас не хотел. Даже по билетам.

– Это он тебя толкнул. Я уже поезд догнал, на ступеньках был.

– А здорово мы скатились! Я и испугаться не успела.

Нина искренне смеялась. Тихон, обхватив чемодан, дурашливо показывал, как они падали. Теперь невольное приключение представлялось веселым и совсем неопасным.

Железная дорога вывела к небольшой станционной постройке. Мелкие буквы названия ютились на небольшой табличке в углу здания. В темноте надпись не читалась. Вместо платформы вдоль путей лежало несколько бетонных плит.

– Боюсь, что здесь скорые поезда не останавливаются, – Тихон кисло огляделся. – Пойдем, узнаем.

Он направился к коричневой двустворчатой двери в центре здания, справа от которой бледно светилося единственное окно. Сзади послышался нарастающий шум приближающегося поезда. Тихон и Нина обернулись.

Мощный луч света бодро прорезал темноту, за ним устало гнался насупленный локомотив и никак не мог догнать. Поравнявшись со станцией, локомотив окончательно сдох, выпустил пар, железные колеса отказались нестись дальше, визгливо и упрямо потребовали передышки. Мимо станции, теряя скорость катились платформы, нагруженные разнообразными железными конструкциями. Состав остановился.

– Товарняк, – разочарованно изрек Заколов. – Пойдем, поищем расписание.

Он потянул подпружиненную дверь. За ней открылся маленький проходной холл с двумя скамейками. Противоположная дверь пугливо скрипнула и зашаталась, приоткрытая. Скомканная газета на скамье шевельнулась под сквозняком и скатилась на кафельный пол неопределенного грязного цвета. Под потолком щелкала и мерцала одинокая трубка люминесцентной лампы. Единственным ярким пятном в

помещении был новый кроваво-красный плакат, где на фоне алого стяга злой боец со штыком наперевес устремлялся, как на врага, на каждого вошедшего. «1941–1945» – поясняла надпись.

– Пусто, – оглядел помещение Заколов.

Они вошли внутрь. Дверь хлопнула. Снаружи недовольно закаркали встревоженные вороны.

– И мрачно, – добавила Нина, прижимаясь к Тихону. Почему-то здесь, в помещении, ей было неуютнее, чем в открытом пространстве ночной степи.

Заколов подошел к закрытому окошку кассы, пошарил взглядом по наклеенным бумажкам.

– Да где у них тут расписание? – Он придвинулся к стеклу, пытаясь протиснуться взглядом в щели зашторенного окошка. – По-моему, там кто-то есть. Эй! Откройте! – Он постучал. Внутри явно виднелась склоненное на стол плечо. – Спит, что ли?

Тихон шагнул к двери сбоку от окошка и толкнул ее. Дверь поддалась. За столиком, уткнувшись головой в бумаги, лежал человек в железнодорожной форме.

– Ну, точно спит! – Заколов вошел внутрь. – Эй, уважаемый. Нам бы узнать, когда ближайший поезд в южном направлении?

Студент потряс плечо спящего. Человек не реагировал.

– Да что он, напился, что ли?

Заколов потряс сильнее и попытался повернуть кассира,

чтобы разбудить.

– Тихон! – Нина стояла в дверях и испуганно показывала вниз.

На пол из-под груди уснувшего человека капало что-то красное. Тихон потянул за плечо, тело кассира стало валиться со стула. Тихон подхватил его под руки, не давая упасть, прижал к себе. Что-то уперлось ему в грудь. Он дернул рукой.

Ладонь обхватила липкую удобную рукоять. Липкость была неприятной. Тихон отпрянул, поднес ладонь к глазам. По пальцам сочилась густая темная кровь.

Стул с грохотом перевернулся. Мимо лица Заколова проплыли холодные остекленевшие глаза, искаженный рот, застывший в немом крике. Тело кассира рухнуло на пол. Из груди торчала окровавленная ручка ножа.

Нина закричала и выбежала прочь. Тихон нервно протер руки об какие-то бумаги и только тут заметил, что ящики стола выдвинуты, на полу валяется ворох документов. Он бросился за кричащей девушкой.

Нина выскочила к поезду. Он подбежал к ней. Девушка метала взгляд вдоль состава. Тихон обхватил ее за плечи.

– Уедем, уедем отсюда, – твердила она, – быстрее!

Со стороны локомотива раздался длинный гудок.

– Давай, сюда! – Тихон, стал подсаживать девушку на платформу поезда.

Когда он залез вслед за ней, громоздкие сцепки последо-

вательно вздрогнули. Поезд трогался, экономя силы, сдерживая вагон за вагоном, и вскоре дружно застучал сотнями колес. Тихон и Нина примостились в конце платформы на квадратный металлический кожух. Высокая стена прямоугольной конструкции защищала их от ветра.

Нина плакала, по-детски уткнувшись в мохнатого медвежонка. Тихон пытался ее успокоить, но мешала тревожная мысль. На окровавленной рукоятке ножа в груди убитого кассира остались его отпечатки пальцев.

О том, куда мог скрыться настоящий убийца, Заколов в тот момент совершенно не думал. Тем более он не заметил, что на ночном товарняке они оказались не одни.

Глава 9

На соседней платформе состава внутри большой П-образной конструкции нервно вышагивал Ныш. Периодически он бил кулаком в ладонь и, оскалив желтозубый рот, с силой сдавливал руки.

– Как я его? Как? – шептал он.

Остановившись напротив большого круглого отверстия, Ныш удивленно воскликнул:

– Есенин, ты погляди, опять они.

– Кто? – вор сосредоточенно курил частыми затяжками, прикрыв сигарету ладонью.

– Студент с девкой. Те, из поезда. На соседнюю платформу залезли.

– Сядь, козел!

– Ты это... блин, Есенин, поосторожней с базаром.

Окурок врезался в грудь Ныша и осыпался мелкими искрами. Есенин схватил Ныша за воротник и, злобно пожирая глазами, зашипел:

– Сядь, паскуда! Увидят. – Он пихнул парня, тот шлепнулся на гремучую жестянку. Поезд дернулся и заглушил металлическим лязгом шум падения. Состав с гулом набирал ход. – Ты на хрена кассира пырнул?

– Я его не колол. Только припугнул.

– А где нож?

Ныш шлепнул себя по карманам, изобразил на лице удивление:

- На столе забыл. Точно, на столе! Когда деньги выгребал.
- Врешь! А кровь на руке?
- Так это я руку ободрал, когда сюда залезал. Вот, посмотри!
- Мог бы без ножа обойтись!
- Так он бабки не давал! Пер на меня.
- Все бы он выложил! Он, поди, и сообразить не успел, что от него требуется.
- Ты чего, Есенин, в натуре? Я ради нас старался, а ты пустой базар разводишь.
- Срисовал он тебя, дурня. Кто так работает? И наследил по полной программе.

Есенин сел и сжал виски ладонями. Голова тупо гудела от выпитого за день, не давая привести мысли в порядок. Нажрался на радостях капитально, корил себя вор. Ни черта не соображал, когда позволил Нышу кассира грабануть. Все с наскоку получилось, без должной подготовки. Есенин так дела не привык делать. Сам он остался снаружи и только слышал испуганный возглас кассира и пьяные угрозы Ныша. А тот, видимо, перестарался. Хорошо, что быстро ушли. Может, и обойдется.

Хотя тревожное чувство, что из темноты давил все тот же тяжелый взгляд, как из окошка колонии, у вора осталось.

- Моих пальчиков еще нет в картотеке, я не успел засве-

титься, – похвалился Ныш. – И финку я в платочке держал.

– Молокосос! Эх... Сколько хоть бабок срубил? – спросил Есенин. Профессиональный интерес постепенно брал свое.

Ныш пересчитал купюры.

– Полторы сотни! И у студента в вагоне сороковник снял, – гордо улыбнулся Ныш и протянул деньги Есенину: – Держи. Я должен был тебя бабками обеспечить.

– Оставь себе. – Держать в кармане лишнюю улику, когда еще толком от станции не отъехали, опытный вор не хотел. – Бля, из-за этой фигни опять на зону!

– Нас же никто не видел.

– А эти двое? Студенты?

– Ерунда! Ничего они не видели. Это сопляки, их припугнуть – в штаны наложат. Откуда они взялись здесь? Их что, тоже вояки из вагона выперли? – Ныш зарыл пальцы в ворох волос, осторожно потряс головой, прислушиваясь к ощущениям. – Ты бы знал, Есенин, как насвай с портвейном башку срывает.

Он дрожащей рукой достал несколько горошин, сунул под язык. Под ноги периодически зашлепали жирные плевки.

– Есенин, девку-то пощупать успел? Ляжки у Ромашки молочные.

Вор брезгливо отвернулся от плюющей рожи. Холодный ночной ветер немного отрезвил его. До дома не доехал, а денег уже нет. На девку, как последняя сука, позарился и в историю с кассиром вляпался, подводил он итоги. Может, и

впрямь сначала к Беку смотаться, узнать, что за дело. Бек человек серьезный, фуфло предлагать не будет. И насчет Ныша вместе решим. Пусть, в случае чего, этот молодой урод берет все на себя.

Так будет по понятиям.

Глава 10

Елизавета Кондратьевна елозила на откидном неудобном стульчике, вжимаясь в стенку, и заметно волновалась. Прошло больше часа, как муж ушел искать бригадира. Проводник пару раз высовывался в коридор и бросал на старушку презрительный высокомерный взгляд воспаленных глаз.

Потом началась еле заметная суeta. Кто-то увел проводника, в его глазах появился испуг. Потом пришли и за Елизаветой Кондратьевной. Она шла через дергающиеся сцепки вагонов и понимала, что произошло что-то неприятное, и это неприятное связано с ней. Наверное, неугомонный муж опять повздорил с каким-нибудь начальником.

Она увидела Васю лежащим на полу в тамбуре. «Испачкает пиджак!», – мелькнула первая мысль, и сразу беспомощно задрожали руки. Пальцы разжались, и сумка, которую она не выпускала всю дорогу, шмякнулась на пол.

В тамбуре и рядом толпились несколько человек.

– Да нет у них билетов, нет! – кричал знакомый проводник. – Ну где они? Смотрите, смотрите!

Он бесцеремонно копался в карманах Василия Трофимовича. Когда зашла Елизавета Кондратьевна, все посмотрели на нее.

– Где ваши билеты? – накинулся на старушку с вопросом бригадир поезда.

Елизавета Кондратьевна сжалась и не понимала, что от нее хотят, и все глядела на бледное лицо лежащего мужа. Да ему же плохо! Почему ему никто не помогает? Она грохнулась на колени. Неприятный холод скованных рук мужа напугал ее.

– Что, что с ним? – шептала она, боясь думать о самом страшном. – Помогите. Ему нужны таблетки. Врача!

Ее оттащили. Как сквозь покрывало, слышались голоса:

– Успокойтесь, женщина. Помер он.

– Все там будем.

– Сжалился, помочь захотел. Зря пустил, дурак, – ругался проводник, – теперь отвечать придется за свою доброту.

– Перекройте тамбур. Никого не пускать. В Кзыл-Орде высадите ее.

– Вызвать труповозку?

– Конечно. Эх, вечные проблемы с этими стариками. Тебя что, учить надо, кого лучше подсаживать?

Ранним утром в туманной дымке двое небритых санитаров выволокли тело Василия Трофимовича Есенина и впихнули в машину. Неприметный автомобиль без окошек подогнали прямо на перрон, чтобы не тревожить пассажиров. В морге у Елизаветы Кондратьевны забрали документы мужа и настойчиво спрашивали: когда она заберет тело. Старушка просила, чтобы мужа перевезли на станцию Туркестан. Она там живет и там его похоронит. Но ей твердили, что этим они не занимаются, нужно самостоятельно договариваться с

водителем. В морге тоже требовали деньги, так как труп не имеет городской прописки.

Старушка растерянно пересчитала купюры в кошельке — ни на что не хватало. «Вот теперь и понадобятся отложенные на похороны деньги», — успокоившись, подумала она.

Глава 11

Поезд мчался сквозь ночь. Встречный поток вихрился за стенкой укрытия, где сидели Нина Брагина и Тихон Заколов. Ветер свистел в щелях конструкции и охлаждал металл. Когда состав на поворотах дугообразно изгибался, к свисту добавлялся визгливый писк колес, трущихся о рельсы, и кислый запах искрящего железа. А ветер, пользуясь случаем, нагло забирался под одежду.

Плечи девушки вздрагивали. Грохот колес заглушал звуки рыданий. Плюшевая шкурка медвежонка послушно поглощала влагу девичьих слезинок. Черные стекляшки игрушечных глаз участливо смотрели на Нину.

Девушка подняла покрасневшее заплаканное лицо.

– Холодно! – поежилась она. Говорить приходилось громко.

Тихон придвинулся и осторожно обнял девушку:

– Так лучше?

Нина кивнула, шмыгнула носом и уставилась пустым взором на дрыгающийся край следующей платформы.

– Что мы теперь будем делать? – через некоторое время спросила она.

– На ближайшей крупной станции сойдем и обратимся в милицию. Там все расскажем.

– А нам поверят?

– Ну конечно, мы же ни в чем не виноваты!

– И нам ничего не будет? – по-детски поинтересовалась она.

– Нет. – На этот раз Тихон ответил не так уверенно.

Они убежали, не оказав никакой помощи кассиру. Хотя чем можно помочь мертвому? А если он был еще жив? Нет, вряд ли. Стекланный остывший взгляд ни с чем невозможно спутать.

Кто же его так, задумался Заколов? Те двое попутчиков из почтово-багажного? И финка у азиата была. Если ее вынуть из тела, Тихон бы узнал. Слишком хорошо он запомнил клинок перед глазами.

– Там остался мой чемодан, – горестно вздохнула Нина, прервав размышления Заколова.

– Належке путешествовать лучше, – попытался пошутить Тихон.

Девушка благодарно прижалась к Заколову.

– Попробуй заснуть, – посоветовал он.

Нина улыбнулась. Ее голова склонилась на широкое плечо парня, поддуваемые ветром волосы девушки иногда гладили его щеку. От них по-прежнему исходил легкий цветочный запах. Уткнуться туда нос и медленно втягивать воздух было приятно.

Нина заснула. Тихон дремал, поддерживая ее и защищая от ветра.

Через какое-то время поезд сбавил ход и остановился. За-

колов привстал, руки заботливо прислонили спящую девушку к стенке. Тихон огляделся. Опять маленький полустанок. В ночной тишине мирно спали несколько домишек.

Тихону захотелось в туалет, и он решил прыгнуть на насыпь. Руки уже взялись за край платформы, как раздался испуганный голос Нины:

– Ты меня бросаешь? – Девушка стояла и растерянно глядела на него.

– Нина, ты что? Я... – Тихон замялся. – Мне на минутку, по нужде.

– Ты меня правда не бросишь? – Девушка подошла ближе.

– Нет, конечно, – Тихон взял ее маленькую ладошку в свои руки.

На соседней платформе громыхнул железный лист. Пальцы девушки вцепились в ладонь Заколова.

– Там кто-то есть! – испуганно прошептала Нина.

– Откуда? Это жесть распрямилась. Под давлением встречного потока она деформировалась, а сейчас восстановила форму.

Девушка по-прежнему боялась отпустить Заколова.

– Нина, я на минутку.

– Пообещай не бросать меня, – в девичьих глазах читалась мольба.

– Нина, я обещаю всегда быть с тобою рядом, пока мы не закончим наше путешествие, – серьезно объявил Тихон.

– Спасибо, – шепнула девушка. Ее руки крепко обняли

медвежонка. Она тактично отвернулась.

Тихон спрыгнул на землю и отбежал в кусты.

Каныш Хамбиев, замерший в полуприсяде под злобным взглядом Есенина, смог наконец распрямиться. Жестянка, на которой он сидел всю дорогу, предательски щелкнула в тот момент, когда он вставал.

Глава 12

– Есенин, Ромашка одна осталась. Хочешь цветочек понюхать, лепесточки свеженькие оборвать? Я же должен тебе бабу предоставить! – Ныш осторожно высматривал, куда ушел студент.

– Мне малолетка ни к чему.

Есенин протер слипающиеся глаза, вспоминая, как по ду-рости навалился в вагоне на девку. Ох и пьяным был! Ночная поездка на открытой платформе хмель изрядно выветрила.

– Какая она малолетка? У нее титьки, как у меня кулаки.

– А где студент? – заинтересовался Есенин.

– Смылся куда-то.

– И чего они за нами увязались?

– Не парься, Есенин. Они сами по себе. На праздники едут, как все. Вояки их без разбору вслед за нами выкинули. Ты же знаешь, у кого сила – тот и прав.

– Давай к ней дуй, – решительно приказал вор. – Пока тихо держи, чтобы не голосила. А как тронемся, узнай, что она видела? Если тебя с кассиром засекла, шею набок и под колеса.

– Ты чего?

– А ты что думал? Сумел дерьма глотнуть, теперь на-жрешься по полной! Мокрухой больше, мокрухой меньше... – Есенин был уверен, что Ныш пырнул кассира.

– Да я же... – Ныш попытался возразить, но потом задумался: – А если студент вернется?

– Студент? – Есенин усмехнулся. – Ты говоришь, он трус. Студента я припугну. Давай, ты первый. Как девку утихомиришь, я перелезу.

– Все сделаю, Есенин. Будет девка нашей, – осклабился Ныш и крадучись направился к краю платформы.

Глава 13

Заколов вышел из кустов. Товарный состав продолжал стоять.

В стороне рядом с приземистым зданием боролся с мраком одинокий фонарный столб. Тихон решил посмотреть название станции. Неожиданно дверь в доме приоткрылась, из светлого прямоугольника в сумерки вывалилась покачивающаяся фигура в форме.

Человек был одет в мятый милицейский китель, под которым виднелась расстегнутая рубашка и болтающийся на голой шее галстук. Он увидел прямо перед собой Заколова, икнул от удивления и с видимым усилием, придавая лицу строгость, спросил:

– Ты кто такой?

– Я – студент. А вы? – не веря, что перед ним работник милиции, поинтересовался Заколов.

– Ты откуда?

На Тихона пахло крепкой смесью водочных паров и табака.

– Я с поезда.

Милиционер недоверчиво посмотрел на товарняк.

– Доку... документы! – потребовал он.

Тихон протянул студенческий билет. Милиционер сделал шаг к фонарному столбу, раскрыл синие корочки и уставил-

ся на школьное фото Заколова. Он смотрел долго, поворачивая голову то под одним углом, то под другим, и морщил лоб, словно разглядывал позабытые китайские иероглифы. Заколов решал, рассказать ли ему про труп кассира и как это лучше преподнести.

Милиционер захлопнул студенческий билет и сунул в нагрудный карман.

– А вы – милиционер? – решившись все рассказать, спросил Заколов.

– Железно... дорожная милиция, – представился человек и махнул согнутым пальцем в сторону поезда. – Вот это... охраняем.

– Хорошо, что вы из милиции. Тут на соседней станции... – Тихон не знал, с чего начать. Навстречу товарняку приближался стук колес другого состава. – Мы отстали от поезда. Подошли к зданию станции...

– Придется задержать!

– Что? – не понял Тихон.

Грохот встречного нарастал.

– Тебя! – Милиционер ткнул пальцем в Заколова. – Воруют. Особенно ночью. Пошел вперед!

– Куда? Да вы ничего не поняли. Я говорю, мы зашли, а там кассир мертвый...

Последние слова потонули в грохоте встречного состава, выскочившего к полустанку. Колеса длинного товарняка грузно стучали на стыках. Звук дробился стоящими плат-

формами и эхом отскакивал от здания. Лампа на столбе покачивалась и мерцала. Рука милиционера настойчиво пихала Заколова к открытой двери. Тихон пытался что-то объяснить, но милиционер не слушал, да и не мог слышать студента.

Наконец промелькнул последний вагон, но еще не затих стук колес, как дружно дернулись платформы поезда, на котором прибыл Тихон. Он оглянулся, железные конструкции плавно катились мимо. Смутная тень колыхнулась на одной из платформ.

«Нина, – сверкнуло в голове у Тихона. – Она подумает, что я ее бросил».

И тут он услышал отчаянный крик:

– Тиша-а!

Второй раз подвести девушку Заколов не мог. Пьяный милиционер цеплялся за спортивную куртку. Тихон резким ударом стряхнул руку, сунул пальцы в карман кителя опешившего милиционера, выудил студенческий билет и помчался за уходящим поездом.

Тяжелый состав медленно набирал ход. Заколов догнал свою платформу, руки вцепились в выступ бортика. Он крикнул:

– Нина, я здесь! – и подтянулся.

Сверху мелькнула темная фигура. «Это не Нина!», – успел удивиться Тихон. Что-то лязгнуло, створка бортика, за которую держался Заколов, откинулась наружу. Пальцы со-

скользнули, Тихон шлепнулся вниз и кубарем покатился по насыпи.

Сверху снова крик, на этот раз безнадежный:

– Тиша-а!

И чей-то чужой, но очень знакомый, неприятный гогот.

За падением Заколова наблюдали еще две пары глаз. Одна с радостью, другая равнодушно. Обе принадлежали людям в милицейской форме.

Глава 14

– Ну все! Мы от него отделались! – Есенин бросил прощальный взгляд на кувыркающегося по насыпи студента и повернулся к Нышу, удерживающему Нину. – Ты что ей пасть заткнуть не в силах?

– Кусается, стерва! – Ныш, оправдываясь, показал руку. – Но теперь пусть орет. Кто ее услышит!

Есенин присел на корточки перед хнычущей девушкой, подал ей упавшего медвежонка и ласково спросил:

– Девочка, мы скоро сойдем и тебя оставим в покое. Ты нам не нужна. Ты лучше скажи, как ты оказалась здесь, на неудобном товарняке?

– Нас проводник толкнул, – сквозь слезы объясняла Нина.

– Проводник? Гриша? Значит, вояки вас не защитили. Ну, а потом ты с дружкой что делала?

– Мы вернулись к платформе, увидели этот поезд, и Тихон сказал, что поедem на нем.

Нина с надеждой смотрела в маленькие бесцветные глазки Есенина. Еще совсем недавно он насадал на нее в вагоне, запуская руки под юбку. Но молодой азиат с дурно пахнущим ртом и злющими глазами казался ей еще страшнее. А теперь, когда рядом нет Тихона, она верила, что ей может помочь только этот взрослый мужчина.

– Но почему вы на таком неудобном решились ехать? – Есенин постучал по железкам. – Попробовали бы купить билет на пассажирский поезд.

Нина замялась, спешно придумывая нужные слова. Внутренний страх ей подсказывал, что про кассира говорить не следует.

– Тихон сказал, что там ни один нормальный поезд не останавливается. Предложил на этом подъехать до крупной станции.

– Тихон так решил, видимо, спешил. – Есенин улыбнулся и подмигнул: – Ну, а погреться-то куда-нибудь заходили? Замерзли небось?

– Не успели. Этот поезд сразу пришел.

«Не совсем», – отметил про себя Есенин. Кое-кто успел таких дров наломать!

Но вслух он произнес:

– А я три или четыре сигареты извел, дожидаясь поезда. И ты знаешь, курил не спеша. Где же ты была все это время? Ведь ночью холодно!

– Я... Мы... – девушка переводила растерянный взгляд с Есенина на Ныша. – Мне было не холодно! Я джинсы надела. И... я же была не одна.

– Целовались?

– Угу, – кивнула смущенная Нина.

Есенин задумался. Похоже на правду. В поезде девка была в юбке. А молодежь нынче такая бесстыжая, им хоть все-

мирный потоп, все равно будут обжиматься.

Но ведь скрипнула же дверка на станции, когда он Ныша, ошалевшего от легкой наживы, на поезд заталкивал! Кто-то туда вошел? Может допросить девку с пристрастием, вдруг она юлит?

Так и впрямь будет лучше. А потом под колеса! Ныш сделает, куда ему теперь деваться.

А Есенин, как честный вор, ручек марать не будет. Отойдет в сторонку. Покурить.

Глава 15

Падение на насыпь с движущегося поезда для Заколова оказалось довольно удачным. Он приземлился на ноги, успел сгруппироваться и несколько раз кувыркнуться вперед. Боли и ушибов не было.

Когда он встал, мимо проезжала последняя платформа! Все решают секунды!

Тихон стремглав выскакивает на рельсы. Сзади, совсем рядом, бежит и чем-то угрожающе размахивает кричащий милиционер. Впереди набирает скорость состав, увозящий Нину, попавшую в беду.

Тихон давно так не бегал! А скорее всего – никогда.

Тут нельзя экономить силы – нужен спринтерский рывок по шпалам.

Он мчится, высоко взметая колени, молотя локтями воздух, и видит перед собой лишь коричневый борт последней платформы. Сначала он быстро сокращает расстояние. Но поезд непрерывно ускоряется, а человеческие силы тают. Последние метры сжимаются со стойким упорством, будто между ним и платформой воздух становится вязким и плотным. И чем ближе он подбирается к заветной цели, тем сильнее возрастает сопротивление. Каждый сантиметр теперь отвоевывается с великим трудом. Воздух жжет разинутое горло, глаза застилает едкий пот.

Когда остается последний метр, он отталкивается от шпалы и прыгает. Тело вытягивается в струнку. Если не достанет, то плашмя грохнется на жесткие шпалы. Тут уже не сгруппируешься.

Он дотягивается!

Но за бортик платформы цепляется только правая ладонь. Левая беспомощно скребет холодный металл кончиками пальцев. Тело качнулось маятником и ударилось о выступающую сцепку. Тихону удастся опереться на нее и перекинуть кисть вверх.

Теперь он уверенно висит на двух руках. Подтягивание, выход в упор. Хоть и трудно, но привычно, почти как на перекладине. Уставшее тело переваливается внутрь платформы.

Он лежит, закрыв глаза. Грудь вздымается и опадает так часто, словно он собрался прокачать через легкие воздушный океан. Разгоряченные ноги кажутся неуклюжими огненными колбами. Сердце стучит везде – в голове, груди, в кончике каждого пальца.

Тихон открывает глаза и видит звезды. Они висят неподвижно. А холодная Луна ухитрилась прицепиться к поезду, мчится с такой же скоростью и с любопытством заглядывает сверху.

– Как там Нина? – спрашивает Тихон у луны.

Луна таинственно молчит. А ведь все видит, проклятая! Ждать нельзя. Заколов встает, топает вперед. Встречный

поток приятно холодит лицо и грудь. Он стоит у следующего борта платформы. Внизу угрожающе лязгает сцепка. Впереди грохочут и трясутся неугомонные вагоны. На них равнодушно дремлют и позвякивают во сне громоздкие железяки.

Его путь лежит туда. Там Нина. Она в опасности.

Только бы успеть!

Глава 16

Когда студент вырвался и побежал к двинувшемуся товарняку, лейтенант транспортной милиции по охране железной дороги Сергей Тадеев проводил его вялым взглядом. Убежал так убежал, хлопот меньше.

Тадеев с вечера тяжело и бесхитростно напивался с железнодорожным мастером, отмечая наступление Первомая. Что еще делать в этой глуши во время дежурства? Суточная смена скоро закончится, можно будет отоспаться, а вечером, как все нормальные люди, продолжить гуляние.

Тадеев сладко зевнул и направился к двери. Проветрился, можно и возвращаться. Событьи́льник ждет. Лейтенант машинально сунул руку в нагрудный карман, где хранил удостоверение, пальцы вытащили синюю корочку. Что за ерунда? Ведь должна быть красная! Студенческий билет! Ах ты! Студент, подлец, по ошибке выхватил удостоверение сотрудника милиции!

Хмель как ветром сдуло. Лейтенант Сергей Тадеев бежал за составом, размахивая студенческим билетом и задыхаясь от крика. Но студент бежал еще быстрее и все-таки залез на уходящий поезд.

Милиционер бессильно опустил руки. Тяжелая хмельная одышка мешала дышать. Рука сдернула противный галстук, непослушные пальцы пытались расстегнуть оставшиеся пу-

говицы на рубашке. Стук уходящего поезда раскалывал черепушку.

Потеря служебного удостоверения – это ЧП! Надо писать рапорт.

Лейтенант с трудом собирал мысли в кучку. Происшествие необходимо представить в нужном свете!

Итак, что получается? Ночью обнаружил подозрительную личность, проявил бдительность, потребовал документы. Все по закону! А дальше что придумать? Преступник неожиданно напал, оглушил и завладел служебным удостоверением. В борьбе с ним удалось получить важную улику – студенческий билет.

Кто же этот голубчик?

Тадеев вынул документ и раскрыл корочки.

Заколов Тихон Петрович. Студент.

Не долго тебе осталось гулять, дерзкий сопляк!

Глава 17

Следователя по особо важным делам областной прокуратуры Руслана Ахметовича Колубаева телефонный звонок разбудил глубокой ночью. Тридцатилетний Руслан молча выслушал сообщение, хрипло хмыкнул: «Угу» – и стал собираться. Экстренные ночные звонки были редкостью в его практике, и никакой системы оперативного сбора он не выработал. Первым под руку попался праздничный костюм, который он планировал надеть утром на демонстрацию. Была у Руслана тайная надежда, что областной прокурор может мимоходом пригласить его на банкет в обком партии, а там лучше выглядеть соответствующе.

В кровати зашевелилась сонная супруга.

– Ты куда? – протирая глаза, спросила она.

– Вызывают. Особо тяжкое на одной из станций, – тихо ответил Руслан. Подробнее объяснять не хотелось.

Жена села на кровати, дернула за веревочный выключатель торшера, растопыренные пальцы лениво въехали в густые черные волосы и откинули с лица тяжелую прядь.

– Ты сына обещал на демонстрацию сводить, – заспанным голосом напомнила жена. Как и все женщины, семейные дела она ставила выше служебных.

Руслан привычным движением затянул галстук, посмотрелся в зеркальную створку шкафа. Непокорная челка ко-

ротко остриженных волос придавала лицу молоджавость, а густые брови и прямые узкие губы – суровость, необходимую его должности.

Руслан Колубаев себе понравился. Вот только животик начал расти, но если подтянуть ремень, то под костюмом не видно. Он провел рукой по скулам – бриться некогда. Щетина на щеках, как и у всех казахов, была у него редкой, но тщательно бриться каждое утро он считал делом обязательным.

Застегнув пиджак на все пуговицы, Руслан присел на краешек кровати:

– Сходи вместе с ним сама. Я боюсь, не успею.

– Вот так всегда, – жена безвольно стукнула кулачками по одеялу.

– Ну, не куксись. – Руслан ткнулся губами в теплое женское плечо, выступающее из-под ночной рубашки. Пьянящий запах наполнял голову сладкой мутой. Он резко встал. – Ты же понимаешь... Служба.

– Может, успеешь? – крикнула вдогонку жена и грустно прослушала, как тихо захлопнулась входная дверь и щелкнул замок.

У подъезда солидно урчала служебная «Волга». Сизые выхлопы осязаемо портили ночную свежесть, отзывались противным урчанием в пустом желудке.

– Привет, – кивнул следователь водителю Мише и эксперту Семену Григорьевичу Гурскому, примостившемуся с че-

моданчиком на заднем сиденье.

Молодой сосредоточенный Миша еле слышно ответил на приветствие. Семен Григорьевич, пожилой еврей с седой гривой волос, больше подходящей музыканту или художнику, несмотря на предпенсионный возраст, как всегда держался бодро и был разговорчив:

– Видишь, Русланчик, шеф нам свою персональную машину пожаловал. Как короли домчимся. И то сказать, сегодня большой праздник, а тут такая неприятность.

Машина тронулась, Колубаев закурил, приоткрыв окошко. Ночная мгла жадно проглатывала табачный дым. Развешанные на столбах алые флаги зябко дрожали.

– Что там, Семен Григорьевич? – спросил Колубаев после нескольких затяжек.

– Жена не дождалась мужа-кассира с работы, – охотно заговорил Гурский, – издергалась бедная, изревновалась, пришла на станцию, а ненаглядный лежит один одинешенек с ножичком в груди.

– Раздетый?

– Почему раздетый? – удивился Гурский.

– Вы про ревность упомянули. Убитый изменял жене?

– Про адюльтер я не говорил. Домыслил психологическое состояние женщины.

– Что тогда? Ограбление?

– Очень может быть. Но деньги в кассе обычно небольшие. Станция малюсенькая. В предпраздничный день, ко-

нечно, доход побольше. Но все равно непонятно, кто на такую глупость решился?

– Это все?

– Остальное, Русланчик, выясним на месте. Кстати, анекдотец вспомнился...

Семен Григорьевич с жаром принялся рассказывать анекдот про мужа, который постоянно якобы задерживался на работе. Колубаев слушал через слово. Его слегка корбило детское обращение: Русланчик, да еще при водителе. Хотя и был Семен Григорьевич почти вдвое старше, но служба есть служба, официальность не помешает. Тем более именно Колубаев сейчас главный в группе.

– ... я на партсобрании. У нее и заночую, – закончил анекдот Гурский.

Водитель громко рассмеялся, Колубаев вежливо улыбнулся, выбросил окурок и прикрыл глаза. Вздремнуть не помещает.

Доехали сравнительно быстро, Михаил уверенно и с удовольствием вел новую «Волгу». Около здания станции стоял бежевый УАЗик-«буханка» районной «Скорой помощи». Колубаев стряхнул дремоту, оправил костюм и, стараясь быть бодрым, вышел навстречу торопливо подбежавшему человеку в железнодорожной форме.

– Я начальник местной станции, – представился железнодорожник, нервно пригладил ладонью влажные волосы и надел фуражку. Гладкая кожа лоснилась от обильного пота,

глазки смотрели испуганно.

– Мы из прокуратуры, – сообщил Руслан.

Рука привычно потянулась за удостоверением, но начальник станции, не глядя на красную корочку, по-мальчишески дернул за рукав:

– Пойдемте, это здесь.

В маленькой комнатушке, раскинув руки, лежал на полу пожилой кассир. На лице застыло удивление, из груди торчал нож. Вокруг темнело бурое пятно, слипшаяся одежда присохла к телу. Руслан Колубаев, еще не привыкший к виду трупов, близко не подошел, остановился в дверях. Поморщившись, он внимательно оглядел место преступления. Семен Григорьевич, напротив, с живейшим интересом склонился над телом, что-то рассматривал, копошился, казалось, что даже внюхивался.

Руслан отошел к хмурому врачу в несвежем белом халате. Тот суетливо притушил сигарету, не зная, куда бросить окурок, и с готовностью заговорил:

– Мы около часа назад прибыли. Но бесполезно, – медик развел руки. – Удар прямо в сердце. Помощь потребовалась только жене. Шок. Мы отвезли ее домой, сейчас там наша медсестра.

– Когда наступила смерть?

– Судя по окоченению, я думаю, между двенадцатью и часом ночи. Товарищ не мучился, умер сразу.

Следователь осмотрел маленький зал ожидания перед

кассой. Его взгляд привлек матерчатый чемодан, валяющийся около скамьи.

– Это чей? – спросил он начальника станции.

– Не знаю. Я как ночью пришел, он здесь и лежал. Мы оставили все как есть. Ничего не трогали.

– Интересно, – Колубаев склонился над испачканным мятым чемоданом, развязал опоясывающий жгут из колготок. Из беспорядочного вороха женской одежды он выудил две общие тетради. Шелестящие страницы мелькнули формулами и графиками – похоже на конспекты лекций. – Нина Брагина, группа 1–3, – прочел он надпись на обложке. – Студентка. Откуда она может быть? Либо из нашего областного центра. Либо... – Руслан задумчиво посмотрел на начальника станции: – У вас тут что, институт имеется?

– У нас? Откуда?

– Какие поезда останавливались сегодня поздно вечером и ночью?

– Да нашу станцию почти все без остановок проходят. Только один пассажирский из Москвы на две минуты тормозит, но он был еще днем. А в районе полуночи проходит почтово-багажный, – припомнил железнодорожник.

– Вы когда ушли со станции?

– В девять вечера.

– Чемоданчик этот видели?

– Нет.

– А почтово-багажный шел из Кзыл-Орды?

– Нет, наоборот. Он с севера.

– А там по пути у нас институтов рядом нет, – задумчиво сказал Колубаев.

– Почему? А на Байконуре? Тут ведь недалеко. На праздники многие студенты по домам разъезжаются.

– Байконур. Интересно. – Руслан прикрыл чемодан, нашел глазами своего водителя: – Это мы забираем. Миша, отнеси в машину.

Из помещения кассы вальяжной походкой вышел Гурский. Он был чрезвычайно доволен:

– Какие пальчики, я вам скажу, Русланчик, какие пальчики. – Гурский возбужденно сжимал ладони. Колубаев вновь поморщился, мог бы хоть при посторонних называть полным именем. – Прямо на ручке ножа, с кровушкой. И на листочках хороший мазок. Все просто замечательно. Я несколько экземпляриков снял. По картотеке проверим, и хоть сейчас в розыск подавай.

– Где у вас телефон? – обратился к начальнику станции Руслан.

– Пройдемте.

В кабинете начальника Руслан Колубаев связался с областным центром:

– У нас есть отпечатки рук убийцы, нужно срочно проверить по картотеке.

– Присылайте. Сделаем оперативно, – пообещал дежурный. – Да, еще. Поступило сообщение. На разъезде в трид-

цати километрах от вас произошло нападение на сотрудника транспортной милиции. Нападавший скрылся, но личность его установлена. Некто Заколов Тихон Петрович – студент с Байконура, неполных девятнадцати лет.

– Опять Байконур, – задумчиво произнес следователь.

– Что?

– Так, ничего. Я спрашиваю, что с милиционером?

– С ним все в порядке. А нападавший скрылся на товарном составе. При этом потерял свой студенческий билет.

– Два нападения на одном участке. Срочно передайте ориентировку на студента всем близлежащим станциям. При обнаружении – немедленно задержать.

– Слушаюсь!

– Так... Вот что мы еще сделаем. Отпечатки пальцев с места преступления я пошлю коллегам в Байконур. Отправлю ближайшим поездом. Свяжитесь с ними. Пусть срочно едут на станцию. Нужно оперативно проверить и сообщить результаты. – Колубаев задумался. – Да. И вам тоже поездом пошлю. А мы пока проедем на станцию, где произошло нападение на милиционера.

– Не беспокойтесь, все сделаем оперативно.

Следователь положил трубку и обратился к стоящему рядом начальнику станции:

– Вы поезд остановить можете?

– Ну, вообще... если экстренный случай.

– Сейчас как раз такой. С ближайшими поездами переда-

дите пакеты от нашего эксперта на Байконур и в Кызыл-Орду. Как отправите, сообщите номер поезда нашему дежурному вот по этому телефону.

Рядом с телефонами и бумагами в тиши кабинета Руслан излучал уверенность и деловитость. Возможно, дело окажется легким, подумал он. Если удастся раскрыть его к середине дня, то можно будет удачно позвонить прокурору области, когда он будет на банкете у первого секретаря обкома.

Глава 18

Тихон Заколов спустился на сцепное устройство между вагонами, ладони тут же приросли к грубому металлу борта. Дрожание сцепки под ногами, зловещий лязг стали, бесконечная лестница мелькающих шпал, до которых одно неверное движение, агрессивный все перемалывающий перестук колес – все это заставляло руки уцепиться мертвой хваткой за край платформы. Пальцы каменели и не могли оторваться, чтобы метнуться к следующему вагону. Страх упасть в гремящий поток парализовал тело. Многотонная махина размоchalит в одно мгновение и даже не вздрогнет.

Но через минуту тело привыкло к лязгающей тряске. Глаза сосредоточились на бортике следующей платформы, который вот он – совсем рядом. Руки метнулись крыльями и уверенно приземлились на выступе. Страх исчез, уступив место азарту крадущегося воина.

Вагонов было много. Заколов научился ловко перелезть с одной платформы на другую, небрежно стряхивая шелуху ржавчины, впившуюся в ладони.

Скоро он доберется до Нины. Только бы с ней ничего не случилось!

Но тут перед ним возникла черная колба железнодорожной цистерны. Она равнодушно паялилась выпуклой стеной, гулко дрожала. Тихон растерянно смотрел на неожиданную

преграду. Высоченная – метра три! Круглая. Зацепиться совершенно не за что! С низкой платформы не запрыгнешь, сбоку не обогнешь.

Он свесился, чтобы посмотреть вперед. Цистерна всего одна. За ней опять платформы. Отравленный гарью воздух принес обрывок грубого смеха и сдавленный женский писк.

Там Нина! Она совсем рядом в руках бандитов. Что с ней? Он захотел крикнуть угрожающе и зло. Но что наглым преступникам его крик, они не мальчишки. Лучше попытаться застать их врасплох.

Тихон хмуро смотрел в холодный мрак ночи. Ну как он может помочь в подобной ситуации?

Проплыл километровый столб. Заколов инстинктивно взглянул на часы, в поездках он любил засекал скорость движения. Следующий столб появился через две минуты. Скорость – тридцать километров в час. Не спешно едем, отметил Тихон, и тут же его охватила нервная дрожь. А что, если обогнать цистерну?

Мозг быстро произвел нужный расчет. Тридцать километров в час – это получается немного больше восьми метров в секунду. Так. А его лучшие результаты в беге на стометровку – двенадцать с половиной секунд. Выходит, он способен бежать со скоростью восемь метров в секунду. Нет, так не обгонишь. И здесь каменная насыпь, а не гладкая дорожка стадиона.

Между тем промелькнул следующий столб. Две с поло-

виной минуты! Это шесть и шесть десятых метров в секунду. Скорость замедлилась. Теперь можно и потягаться. Какова длина цистерны? Метров пятнадцать-шестнадцать. За десять секунд бега он сможет обойти цистерну.

Еще одно контрольное измерение. Следующий столб появился через сто шестьдесят секунд. Поезд идет еще медленнее. Неужели он тормозит?

Тихон выглянул вперед. Ни светофоров, ни огней станции не видно. Вагоны раскачиваются и гремят больше обычного. Плохой участок с поворотом – вот машинист и сбавил ход. Но скоро он может закончиться, и тогда – никаких шансов. Надо решаться!

Тихон свешивается на согнутых руках справа по ходу поезда. Дождивается удобного момента и прыгает. Кувырок через голову – и он вновь на ногах и несется вперед, как на школьных соревнованиях, когда все девчонки смотрят, кто будет победителем. Цистерна уже сбоку, при желании можно потрогать ее масляный бок. Он бежит быстрее состава! Вот он обгоняет цистерну и забегает между ней и следующей платформой. Еще немного, и он дотянется до края платформы.

Тихон бросает руку вперед. Расставленные пальцы рассекают воздух. Не достал! Он бежит со скоростью поезда, а нужно быстрее. Необходимо последнее сверхусилие.

Но тут цистерна начинает напирать и легко ударяет в спину. Состав прибавил скорость. Тихон устоял, но силы уже за-

канчиваются. Дотянуться до платформы невозможно! Внизу с тяжелым уханьем колесные пары гнут стальные рельсы.

Еще один толчок в спину многотонной громадины. Ноги спотыкаются, Тихон заваливается вбок, но в последний момент бросается животом на сцепку. Стальные клешни раскачиваются и чавкают с металлическим хрустом. Что-то попало им в пасть.

Когда Заколов смог забраться на платформу, то увидел смятую в лепешку металлическую пряжку ремня. Тихон похолодел, представив, что бы случилось, если сцепка сдавила чуть ниже.

Но жалеть себя было некогда. Крик девушки заставил его рвануть дальше.

С одной из задних платформ высунулся человек и внимательно смотрел на мелькающие шпалы. В руке он сжимал милицейскую фуражку. Человек всматривался, не мелькнет ли под колесами или на обочине раздавленное тело. Но поезд набирал ход, а никаких признаков трагедии не появлялось. Значит, паренек, бежавший вдоль состава, сумел зацепиться.

Равнодушный ранее человек призадумался. Непонятный студент его удивлял все больше. Но пока не мешал.

Глава 19

Девчонка-Ромашка яростно отбивалась и бегала по платформе. Это веселило Каныша. Подбежит, дуреха, посмотрит за борт несущегося поезда, будто там мягкая перина подстелена, и назад. А с другой стороны то же самое. И некуда ей укрыться. В глазах страх, слезинки блещут, медвежонком защищается. Ну, полный цирк!

Есенин разрешил Канышу с девчонкой порезвиться. Поручил выпытать, видела она его в кабинете кассира или нет? И что она вообще видела на станции? Вдруг она – опасный свидетель.

Сам вор устранился. Забился в закуток, где ветра поменьше, покуривает.

Каныша забавляло хватать девчонку за разные места. Он и под кофту ей залезал, и грудь помял, и за ноги хватал. Жаль, что в штанах она сейчас, а не в той юбчонке, где все напоказ. Ну, ничего, и в штаны пробьемся. Пусть пока побегает. Подвижные попки всегда Канышу больше нравились, чем сонные крали.

План у Каныша был прост. Замучить девчонку угрозой насилия, одежонку на ней порвать, а когда она поймет, что нет ей спасения, то пообещать отпустить и пальцем больше не тронуть, если как на духу все выложит. Тут-то она обязательно разнюнится и расскажет, что на том полустанке успе-

ла увидеть. Ну а потом можно будет и поиметь ее. А там – и под колеса. Так спокойнее, зачем на зону идти из-за свидетеля. Поезд примет, разметелит на куски – разбирайтесь потом, товарищи следователи.

Каныш схватил пищащую Нину, сунул руку ей под кофту. Ладонь скользнула по нежной коже, пальцы ухватились за лифчик. Каныш дернул атласную полоску, ткань хрустнула, под кофтой обмякло, руке разом стало теплее и приятнее. Каныш ослабил, притиснул девку, но в ту же секунду острая боль пронзила другую ладонь. Девчонка умудрилась цапнуть зубами.

– Стерва! – Каныш отпихнул и ударил Нину. Девушка упала. Каныш лизнул ладонь. – До крови прокусила! Ну все, игры закончились. Сейчас я тебя разложу здесь. А взбрыкнешь – убью!

Нина в страхе смотрела, как приближается озлобленный бандит. Она отползала спиной назад, не в силах подняться, пока не уперлась в стенку железной конструкции. Панический ужас исказил ее лицо.

Вроде созрела девчонка, решил Каныш:

– Выкладывай, что ты видела на том полустанке? Тогда отпущу!

– Правда отпустите?

– О чем базар! Не люблю я соплинок. Баклань быстрее, а то под поезд сброшу.

– Мы билеты хотели купить, а там кассир не отвечал...

Тихон его поднял, а у него нож торчит. Кассир упал, Тихон в крови испачкался, и мы убежали.

– Где нож торчит? – опешил Ныш.

– У кассира вот здесь, – Нина показала на грудь.

У Ныша опустились руки. До сих пор он думал, что ножом только угрожал, а кассира лишь толкнул. Когда мужик свалился, он схапал деньги и смылся. А нож забыл на столе. Такая получалась картина. Но он был тогда сильно бухой, на взводе, злой на весь свет из-за вояк и толком себя не контролировал. А вдруг он и впрямь пырнул кассира ножом?

Ныш облизал пересохшие губы и испуганно спросил:

– И что кассир?

– Он упал, мы убежали, – повторила Нина.

– Как он упал?! – накинулся Ныш на девушку.

– Как мертвый, – прошептала Нина.

В глазах Хамбиева сверкнула злость.

– А меня ты видела?

– Где?

– Там, на станции!

– Не-ет, – едва слышно шепнула девушка.

Нышу ответ показался неискренним. Девчонка – его враг, решил он. Ее слов будет достаточно, чтобы повесить на него труп кассира. Есенин был прав, ее надо кончать. Но прежде приступим к десерту, рука еще помнила мягкую теплоту груди девчонки. Пожалуй, надо долбануть ей по башке, чтобы не рыпалась.

Он двинулся к беззащитной жертве. Что-то, видимо, изменилось в его лице. Девушка это почувствовала, она словно умылась страхом. Удав и кролик. Такой расклад Канышу нравился. Он – повелитель, она – покорная рабыня.

И вдруг он заметил, что ее глаза ушли в сторону. Лицо разгладилось, ледяной ужас растаял и бесследно испарился. Удивленный Каныш даже успел повернуться вслед за ее взглядом.

Кулак, летящий в глаз, встряхнул поезд под ногами и разом погасил звездное небо.

Глава 20

Есенин слышал грохот упавшего тела и забеспокоился. Тяжело как-то грохнуло, бабы мягче падают. Он вышел из уютного закутка и в первый миг обомлел.

На платформе стоял студент! Тот самый студент, которого он давно стряхнул с двигающегося поезда. Растрепанная девчонка жалась к нему. Бесчувственный Ныш валялся навзничь, из разбитого носа нащупывал дорожку бурый кровяной червяк.

– Назад, Нина, – приказал студент и заслонил девушку корпусом.

– Куда?

– Перелезай на другую платформу, – студент напряженно следил за Есениным.

Вор с трудом преодолевал растерянность. Он не понимал, как этот пацан сумел вновь оказаться на поезде?

– Я не могу! Как? – пищала девица, не в силах отцепить руки от парня.

– Спускайся на сцепку, хватайся за соседний вагон – и туда!

Зашевелился Ныш. Девушка уже стояла за бортиком и смотрела под ноги.

– Я боюсь! – кричала она.

Самое время от них избавиться, подумал Есенин.

Немножко толкнуть, остальное доделают стальные колеса. Но сам марать руки, он не собирался.

– Ныш! Вставай, скотина! – крикнул Есенин.

Хамбиев пьяно приподнимался с колен. Студент отступил к бортику:

– Давай, Нина, давай! Смелее! – торопил он девушку.

– Боюсь! – кричала она сквозь грохот колес. Застывшие от ужаса глаза смотрели вниз.

– Не гляди ты туда! Смотри на другой вагон. Он совсем рядом!

Ныш поднялся, провел рукой по лицу. Ладонь обильно заблестела.

– Ну, падла! Ты – труп! – Ныш шагнул к Тихону.

– Нина, быстрее!

Девушка оглянулась, увидела набыченное лицо Ныша. Длинные волосы симметричным занавесом покачивались над злыми глазами, размазанная на подбородке кровь в темноте отливала сталью, оскаленный рот изрыгал ругательства. Больше девушку уговаривать не пришлось. Она быстро шагнула вперед, уцепилась за бортик и перелезла на следующую платформу.

Ныш со злобным криком рассек кулаком воздух. Заколов легко уклонился. Бить надо молча, криком ты только предупреждаешь соперника. Тихон отпихнул, завалившегося всем телом, Ныша. Если бы он этого не сделал, тот мог запросто свалиться под колеса.

– Нюся! – крикнула Нина, когда Заколов намеревался покинуть платформу. – Тиша, возьми Нюсю!

В ее крике была нешуточная боль. Тихон поискал глазами игрушку. Медвежонок лежал рядом с ногами Есенина. Вор все это время стоял в стороне и не встревал в борьбу. Он проследил за взглядом студента и удивленно уставился на игрушку.

Заколов сделал шаг к медвежонку. Ныш опять кряхтел на полу и пока не представлял опасности. Но что ждать от Есенина? С виду он спокоен и равнодушен. Тихон сделал еще три шага и встал лицом к лицу с Есениным. Теперь предстояло нагнуться и забрать Нюсю. Маленькие глазки вора изучающее покалывали, но расслабленные руки не таили, казалось, никакой агрессии.

Бить первым немаолодого человека? Нет, на это Заколов не был способен.

Тихон медленно потянулся за медвежонком, прекрасно понимая, что если сейчас Есенин ударит, он не сможет среагировать. Он наклонялся, глаза следили за сжатым ледяным лицом вора. Сзади шумно вставал Ныш, Тихон его уже не видел.

Пальцы Заколова коснулись мягкого плющевого брюшка. Есенин, не отводя глаз, подленько дернул ногой. Выбитая игрушка ускользнула. Две пары глаз взаимно жгли друг друга.

Тихон молча распрямился. Эмоции могут только мешать.

Медвежонок висел в руках у злобно улыбающегося Ныша. Бандит успел подняться и перегородить путь к Нине. Заколов стоял между Нышом и Есениным. И каждый мог дотянуться до него. Хуже позиции не придумаешь.

И вдруг раздался короткий резкий гудок, а вслед за ним налетела лавина грохота. Встречный поезд мелькнул прожектором, стук колес стал вчетверо громче, вихри воздуха испуганно заметались и взвыли от боли взаимных ударов.

Ныш обернулся на встречный. Даже не обернулся, а лишь на мгновение скосил глаза. Но этого было достаточно.

Тихон очередным ударом сваливает Ныша и выхватывает медвежонка. Игрушка летит к Нине. Ноги и лапы медвежонка крутятся пропеллером. Тихон перемахивает через борт платформы и прыгает на сцепку. Вагоны лихорадочно трясутся, словно их кто-то раскачивает. Подскакивает Есенин. Его глаз не видно – темные дыры. Он вверху, Заколов внизу. Драться невозможно. Тихон поворачивается спиной к противнику и шагает к Нине. Ноги дергаются совершенно непонятно.

«Столкну, столкну, столкну...», – злорадно кричат колеса. Но этим Заколова уже не испугаешь. Он посередине сцепки. Руки летят к платформе, где ждут испуганные глаза девушки.

И тут – подлый толчок в спину. Тело теряет равновесие, ноги соскальзывают.

«Не-ет!», – накрывает истошный крик Нины. Она видит,

как исчезает между вагонами фигура Тихона.

Встречный промчался и уносит с собой грохот колес, словно стягивает с вагонов звенящую шкуру. Как же бывает тихо!

Шторка из слез застилает глаза девушки. Все пропало! Тихона нет, она одна. В размытом пятне всплывает злобное лицо Ныша. Взгляд девушки опускается вниз. На железный бортик платформы цепко шлепаются ладони. Между ними поднимается шевелюра, глаза и улыбка Заколова.

Тихон забирается внутрь. Нина бросается к нему.

– Все в порядке. Подожди, – говорит Заколов и отстраняет девушку.

Сзади Есенин кричит на Ныша. Ныш собирается перелезть вслед за студентами.

Заколов бегло осматривается и ударяет ногой в стенку конструкции. Широкая полоса железа срывается с болтов. Тихон выдергивает полутораметровую железяку и машет ею как косой над краем платформы.

Железо изгибается и протяжно ухает. Испуганный Ныш шарахается назад.

Товарный поезд с открытыми платформами беспечно мчался навстречу рассвету. В центре состава, скукожившись от ветра, бьющего в лицо, сидели парень и девушка. Они прижимались друг к другу и напряженно смотрели вперед. Между ними плющился мохнатый медвежонок. От изгиба

его мордашка улыбалась. Наверное, ему было теплее всех.

Под рукой у парня лежала громоздкая железная полоска. В нескольких метрах перед ними на передней платформе сидел и курил в кулак худощавый седой мужик в старомодной одежде. Молодой чернявый хлыщ нервно метался рядом, замахивался железным прутом и что-то постоянно выкрикивал.

Медвежонку казалось, что угрожают именно ему.

Глава 21

Руслан Колубаев нашел лейтенанта транспортной милиции Сергея Тадеева спящим в маленьком кабинете. Голова милиционера покоилась на сомкнутых руках посередине стола, хранившего следы недавней бестолковой пьянки. Руслан недовольно поморщился и толкнул спящего. Вялая шея приподняла тяжелую голову, красные слипшиеся глаза уткнулись в раскрытое рукой следователя удостоверение. Через несколько секунд милиционер вскочил, опрокинул стул, кинулся за фуражкой, со стола веером слетела стопка бумаг вместе со стоящей на них банкой из-под килек.

– Дежурство, понимаете. Суточное, – оправдывался Тадеев, собирая рассыпавшиеся листки и пихая масляную банку под стол.

– Я тоже не на курорте, – отрезал Колубаев. – Встаньте!

Тадеев, напялив фуражку, вытянулся по стойке смирно. На следователя испуганно смотрело рыхлое лицо с белыми вмятинами от пальцев, галстук болтался под грудью на булавке, голая шея выглядывала из широко распахнутой рубашки. «Боятся, значит, уважают», – удовлетворенно подумал Колубаев, сдержанно улыбнулся и отвел нос в сторону. Запах перегара тяжелой волной колыхался в комнате.

– Давайте выйдем, – спокойно предложил следователь. – Расскажите, как все произошло.

На воздухе Тадеев заметно взбодрился, застегнул рубашку, непослушные пальцы криво затянули галстук.

— Бросьте. Не надо, — остановил Колубаев. — Ваше дежурство закончилось. Лучше расскажите, как на вас напали?

— Вот здесь все и было. Я вышел... курнуть, — милиционер выудил из кармана сигарету, но прикурить не решился. Следователь с ухмылкой вспомнил пропавшее табаком помещение. — А он из кустов. Ну, вот отсюда. Я решил проверить документы. Ночь все-таки, а тут народно-хозяйственные грузы. А он оказал сопротивление. Наглое сопротивление. Но я его все-таки скрутил, на станцию повел. Потом товарняк тронулся. Он вырвался и за поездом. Я тоже побежал, но он успел запрыгнуть в последний вагон.

— Как он выглядел?

— Так это... сейчас покажу. — Милиционер с готовностью достал студенческий билет. — Вот его фотография. Его документик у меня остался. А свое удостоверение я, к сожалению, в борьбе потерял. Возможно, им завладел преступник. Рапорт я написал. Как положено.

Руслан Колубаев взял студенческий билет. С маленькой фотографии на него смотрел юный парень с широким лбом и умными въедливыми глазами.

— Так это же совсем пацан, — удивился Руслан.

— Нет. Он здоровый малый, — попытался оправдаться милиционер.

— Шея крепкая, — пригляделся следователь и прочитал: —

Выдан в семьдесят седьмом году. Два года прошло. Вероятно, возмужал. В чем одет был?

– Курточка легкая, ну, от спортивного костюма. Внизу джинсы и кроссовки. Джинсы простые, тряпичные. Так вроде.

– Вроде, – передразнил Колубаев. – Все ясно. Удостоверение я забираю. Пройдемте, мне надо позвонить. Телефон имеется?

– А как же.

Тадеев провел следователя к аппарату.

– Какие новости по нашему делу? – прорываясь сквозь хрипы телефонной связи, спросил Руслан дежурного.

– Хорошо, что вы...

– Что?

– Я говорю, хорошо, что вы позвонили. Я только что получил сообщение из Байконура. – Дежурный говорил взволнованно и сбивчиво. – Там все проверили. Пальчики идентифицированы. Это – Заколов Тихон Петрович. Студент института.

– Так. Интересно. Откуда он в картотеке?

– В семьдесят седьмом году он проходил свидетелем по делу о серийных убийствах девушек.

– Убийствах?!

– Да. Заколов некоторое время даже был подозреваемым, но потом обвинение сняли.

– Интересно.

Сообщение взволновало следователя. Дело движется к развязке, скрывая радость, решил он. Пожалуй, можно рапортовать о раскрытии убийства. Преступник известен, улики налицо. Руслан задумчиво посмотрел на маленькое фото в студенческом билете. Хорошо бы Заколова арестовать самому. Ведь это дело и до столицы дойти может.

Тадеев решительно приказал:

– Вот что. Пусть срочно выделяют в мою группу сотрудника из Байконурского горотдела милиции, который помнит старое дело и хорошо знает внешность Заколова. Так, чтобы и со спины в толпе мог разглядеть. Звони туда. Пусть срочно выезжает в Кзыл-орду и ждет меня на железнодорожном вокзале в отделении милиции.

Руслан Колубаев положил трубку, вытер испарину на лбу. На него тревожно смотрел Сергей Тадеев.

– Повезло тебе, лейтенант, – игриво сказал Руслан. – Легко отделался. С хищной птицей повстречался. На нем жестокое убийство висит. А может, и не одно.

Проводив следователя, потрясенный Тадеев направился на поиски водки.

Глава 22

Тепловоз выкатился на сетку переплетающихся путей, вильнул вправо, влево, под колесами щелкали стрелки, выбрал приглянувшуюся колею и неспешно затормозил. По обеим сторонам дремали пыльные составы.

От тишины Нина Брагина вздрогнула и проснулась.

– Холодно, – пробормотала она, прижимаясь к Заколову.

– Ничего, уже утро, скоро потеплеет, – серьезно заверил Тихон.

– Мы так и спали? – мягко улыбнувшись, спросила она.

– Как?

– Ну, вот так, – Нина двумя ладошками обхватила руку парня, лежащую на ее плече, и сильнее затянула кольцо объятия.

– По-разному, – ответил Тихон. Под другой его рукой лежала железная полоска для обороны. Он не мог позволить себе заснуть.

Заколов смотрел на противоположную платформу, где встали угрюмые попутчики. Есенин что-то шепнул Нышу. Оба слезли и юркнули под соседний состав.

– Ну вот, теперь можем вздохнуть спокойно. – Тихон приподнялся, попрыгал на носочках, руки сделали энергичные движения. Он всю ночь не смыкал глаз, следя за бандитами, и теперь пытался взбодриться. – Кажется, это большая стан-

ция. Сейчас пойдем в милицию, все им расскажем, а дальше – домой на цивильном поезде. Представляешь, растянешься на мягком матрасике, там тихо, ветер не дует... – Он потянулся и смачно зевнул: – О-ох! Как спать хочется.

Заколов помог девушке спуститься с платформы. Лезть под колесами Нина категорически отказалась. Они обошли длинный состав и выбрались к станционным постройкам. Сверху соплообразный динамик отдавал отрывистые невнятные команды.

– Холодно, никак не могу согреться, – ежилась Нина.

– Потерпи. Вот уже вокзал. Сейчас попьем горячего чая.

С торца здания Тихон увидел дверь отдела милиции. Рядом стоял автомобиль с милицейской символикой.

– Теперь мы в безопасности. Ты иди на вокзал. Там должен быть буфет. Попьешь чай, перекусишь и жди меня. А я пока милиционерам все расскажу.

Лицо девушки исказило тревожное воспоминание.

– Кто его убил? – тихо спросила она.

– Наверное, эти двое.

– Ужас! Они и на меня напали.

– Ты вся дрожишь. Иди в буфет, согрейся. А я в милицию.

– Ты быстро?

– Конечно, – заверил Тихон. – Расскажу, что мы видели, и к тебе. Иди, ты совсем замерзла.

Девушка прижала медвежонка к груди и пошла вдоль платформы к центральному входу. По пути она оглянулась.

Тихон улыбнулся и помахал рукой.

Когда девушка скрылась в здании вокзала, Заколов открыл дверь отдела милиции и шагнул внутрь. Пройдя короткий коридорчик, он оказался в небольшой комнате. Перед зарешеченным стеклом склонился милиционер. Он о чем-то оживленно болтал с коллегой, сидевшим в глубине за стойкой. Услышав шаги вошедшего, они оглянулись.

– Здравствуйте, – произнес Тихон. – Моя фамилия Заколов. Я пришел сообщить, что ночью на одном из полустанков видел убитого человека.

Сидящий за стойкой офицер опустил глаза на текст недавно полученной телефонограммы.

– Это тот, который в розыске, – шепнул он сержанту.

Лица обоих напряглись, офицер вышел из-за стойки:

– Студент, говоришь?

– Да, – подтвердил Тихон, и тут же сообразил, что ничего подобного не успел сказать. – Там человека убили. Кассира.

Офицер, странно улыбаясь, медленно обошел Заколова. Тихон проводил его взглядом, не зная, к кому обращаться. Спереди стоял один милиционер, сзади другой. И тут резкая боль в заломленной руке заставила Тихона согнуться.

– Открывай камеру! – кричал сзади офицер и жестко толкал Тихона. – Живей!

Лязгнул металл. Заколов видел лишь протертый линолеум на полу и свои замызганные кроссовки. Сильный толчок в спину – и он рухнул на грязный пол. Еле лицо успел отве-

сти, чтобы не скребануть носом. Сзади грохнула металлом тяжелая дверь. Удар тугим гулом отозвался в пустой камере.

– Закрывай! – приказал тот же голос.

Хрустнуло чрево замка. Заколов приподнялся и обернулся. В маленьком окошке железной двери сияло потное возбужденное лицо милиционера.

– Все, парень, твоя песенка спета, – произнес офицер. Он был явно доволен проделанной работой.

– За что? – недоумевал Тихон. – Я же сам к вам пришел, чтобы все рассказать.

– Разберемся! – Офицер удалился. Послышался стрекот телефонного диска. – Докладывает старший лейтенант Парамонов. Мною только что арестован подозреваемый Заколов... Да! Тот самый... На вокзале прихватили. У нас сидит! Уже дает показания, но косит под дурачка... Хорошо. Ждем.

– Я ни в чем не виновен! – крикнул Тихон в открытое окошко. – Я случайно оказался на той станции и увидел убитого.

– Все так говорят. – Офицер с сержантом дружно закурили, поглядывая на Заколова. – Ловко мы его, – разгоняя клубы дыма, похвастался офицер.

– Да я же... – продолжал оправдываться Тихон.

Офицер внезапно налился злостью и крикнул:

– Сидеть! Руки от двери! Следователю будешь песни петь. А сейчас – чтобы молчал у меня! Насмотрелись мы тут на таких ублюдков. Все вы на словах ангелы. А кто людей гра-

бит и убивает? Кто?

Заколов понял, что разговор бесполезен, и тихо спросил:

– Скоро?

– Что?

– Скоро следователь приедет?

– Не беспокойся, для встречи с тобой он поторопится.

Заколов устало присел на деревянный помост. Этим тупым солдафонам и правда и ничего не растолкуешь. Лучше дожидаться следователя, может, он человек разумный – гомо сапиенс. Тело расслабилось, спина откинулась на помост. А здесь тепло, не то что на открытой платформе. И совсем не жестко. Дерево все-таки, не железо. А шум железнодорожный где-то далеко-далеко, за толстой стеной...

Заколов прикрыл глаза. Ритмичный перестук колес на ползал и уплывал. Голова покачивалась, словно от дрожания движущегося вагона, нос сопел звучно и ровно.

Вскоре в помещение отдела зашел человек в милицейской форме.

– Здравия желаю, коллеги, – скромно приветствовал он и натужно улыбнулся. – Что-то у вас поезда опаздывают, и билетов нет.

– В праздники всегда так, – буркнул Парамонов, присматриваясь к погонам незнакомца. «Капитан, но не из наших, – отметил он и с тоской подумал: – Сейчас будет просить, чтобы билеты ему по блату взяли. А с ними в праздничные дни

– беда. Да ну его – не велика шишка», – решил заранее отказать милиционер.

Но незнакомец прошел мимо камеры, невзначай заглянул в открытое окошко.

– Кого это вы захомутали?

Вот на этот вопрос Парамонов ответил обстоятельно, с ленивым налетом гордости. Знай наших! Мы здесь не только бабушек с семечками гоняем.

Глава 23

Нина Брагина допила стакан кофе, сильно разбавленного молоком. Вкус ее не интересовал. Главное, что напиток был теплым и сладким. Бутерброд с загнутыми ломтиками сыра остался почти цел. Сейчас придет Тихон, думала девушка, тогда и позавтракаем вместе.

Но Заколова все не было. Девушка встревоженно огляделась. В пустом гулком помещении, где на лавках сидели лишь несколько сонных фигур, ей было неуютно.

Нина вышла на перрон и зашагала к отделу милиции, где рассталась с Заколовым.

В сотне метров впереди из-за громоздкого штабеля шпал за ней наблюдали темные азиатские глаза.

– Ты гляди, Есенин. Наша краля, кажись, в ментовскую побежала. – Ныш жадно глотнул вина из бутылки, обтер губы рукавом. – Заложит, как думаешь?

Есенин ни о чем не мог думать. Он выхватил бутылку и в очередной раз приложился к горлышку. Тяжкое похмелье постепенно отпускало. Организм, за несколько лет позабывший алкоголь, переваривал его туго.

– Заложит, наверняка заложит! – Ныш выругался, поправил железяку, заткнутую сбоку за пояс. Он выломал ее еще на товарняке. Пальцы ловко обмотали вокруг правой ладони

платок. Ныш скользнул вдоль стопок шпал и бесшумно побежал навстречу девушке.

Есенин опустил пустую бутылку на край шпалы. Как только дрожащая рука отцепилась от горлышка, стекляшка звонко чпокнулась о бетон. Есенин вздрогнул, нога ударила по откатившемуся донышку, в голове мгновенно просветлело. «Опять молокосос дров наломает! – разозлился вор. – И зачем я с ним связался! А теперь и бросить здесь нельзя. Паровозом по делу пойду. Надо до Бека мальчика довести. Пусть сам с ним решает».

Есенин выглянул из-за укрытия, огляделся. В ранний час на задворках станции было пустынно. Вор припустился за Нышем.

Когда Нина подошла к входу в отделение милиции, она заметила подбегающего Ныша. Его взгляд был дик, рот оскален. Девушка вскрикнула, по-детски попыталась заслониться медвежонком, не зная, куда метнуться.

Неожиданно дверь в отделение распахнулась. На пороге появился удивленный сержант милиции. Ныш на ходу схватил железку и с разбегу нанес ею удар по голове милиционера. Тело в форме обмякло и свалилось в проходе.

Нина, выпучив глаза, пятилась вдоль стены. Первые мгновения она была в шоке. Как только она попыталась закричать, ее рот прихлопнула ладонь Есенина.

– Идиот! – шипел вор, съедая разъяренным взглядом Хам-

биева.

Тот заворуженно разглядывал прилипшие к железке окровавленные волосы и глупо улыбался. Инстинктивно сжавшийся в момент удара милиционер так и лежал: скрючившийся и жалкий. Ныш обалдел от собственной силы и значимости. Грохнуть мента оказалось так просто!

Он аккуратно опустил железку. Рука, обмотанная платком, так и не коснулась поверхности металла, как и ножа в кабинете кассира. Ныш был доволен. Разгоряченный взгляд уткнулся в кобуру на поясе милиционера. Он ловко выдернул пистолет, самодовольно взвесил в руке и пихнул за пояс.

В глубине коридора зазвучали голоса. Ныш быстро прикрыл дверь.

– Смываемся, козел! – прохрипел Есенин, удерживая девушку. – Давай в машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.